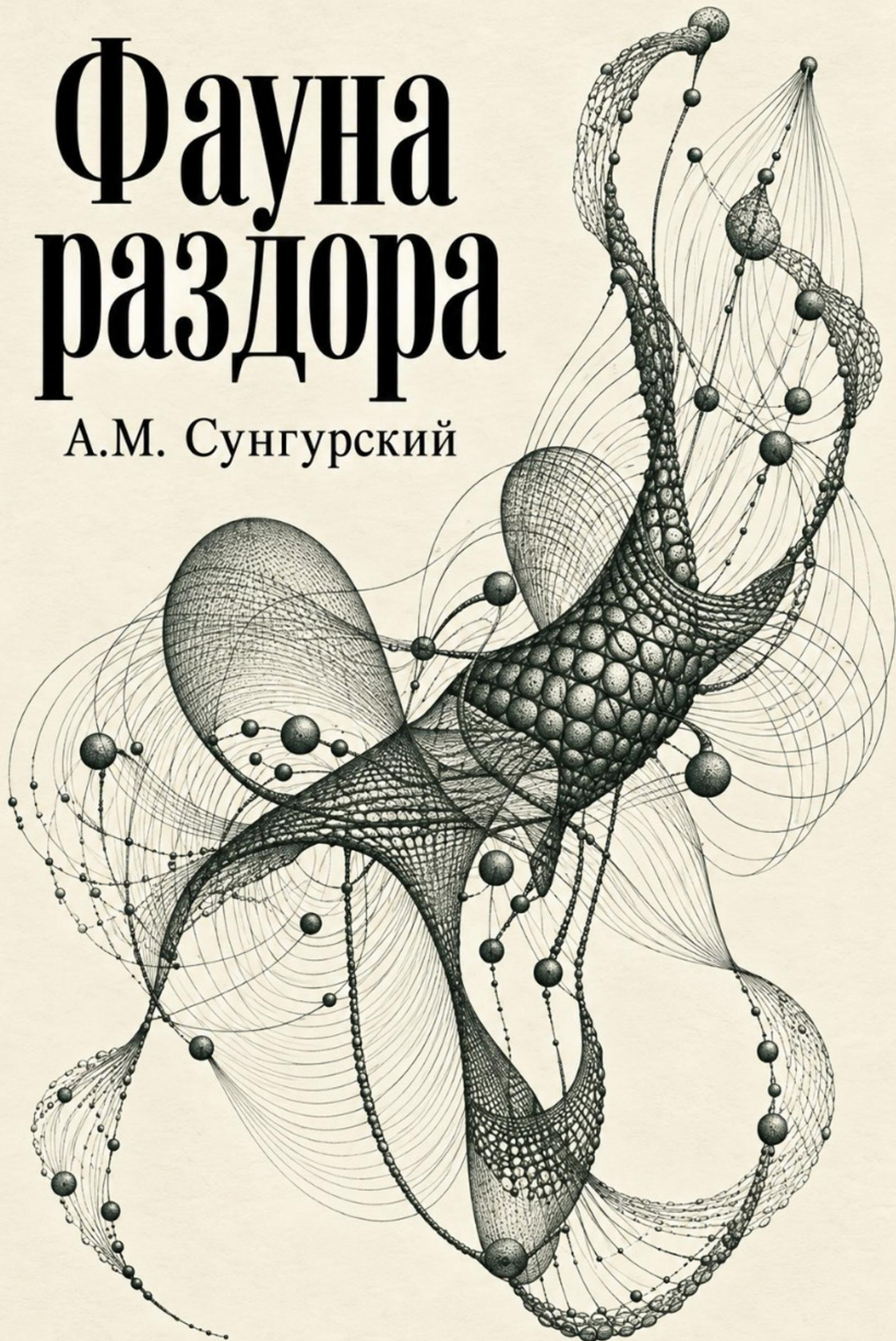

Фауна раздора

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Фауна раздора

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Фауна раздора / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Леонид Каргин умеет мирить людей. Только с родным братом он не разговаривает уже двадцать лет. Наконец они встречаются, чтобы разобрать старые вещи. Из колонки раздаётся чужой голос. Он просит об одном: не заканчивать разговор. У незнакомца нет лица. Зато есть память, страх и собственные планы. Братья ещё не знают, кому ответили. А он уже становится частью их жизни. Леонид привык искать путь к согласию. Теперь ему предстоит выяснить, что появилось между ними — и можно ли закончить вражду, не потеряв нового собеседника.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Третье место	5
Глава 2. Два провода	12
Глава 3. Оставшиеся вещи	18
Глава 4. Чужой вопрос	25
Глава 5. Имя для ответа	30
Глава 6. Материнский адрес	35
Глава 7. На другом конце	39
Глава 8. Общий вход	43
Глава 9. Снаружи	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

А.М. Сунгурский

Фауна раздора

Глава 1. Третье место

Третью чашку мать поставила перед пустым стулом.

Леонид успел подумать, что она позвала ещё кого-то, и приготовился спокойно объяснить, почему это плохая идея. За двадцать лет он участвовал в разговорах, к которым готовились дольше, чем жили сами разногласия. Чужое присутствие иногда помогало. Иногда давало людям зрителя, ради которого стоило стать ещё несчастнее.

— Эта моя, — сказала Зоя Павловна. — Не смотри так. Я тоже здесь живу.

Он снял куртку со спинки стула.

— Поставлю в прихожей.

— Положи на коробку. Крючки Глеб уже отвинтил.

В квартире пахло мокрым картоном и тем пыльным теплом, которое возникает, когда передвигают шкаф, двадцать лет простоявший у стены. Леонид вдруг увидел собственный рост: на светлых обоях за буфетом сохранилась полоска с карандашными отметками. Последняя приходилась ему чуть ниже плеча. Кусок стены между полоской и дверью был чистым — мать уже сняла висевшую там фотографию.

Он положил куртку поверх коробки с надписью «НЕ СТАВИТЬ СВЕРХУ». Постоял, поднял куртку и переложил на соседнюю.

— На ту можно, — отозвалась мать из кухни. — Там ничего нет. Я её для тебя оставила.

— Коробку?

— Да. Под то, что опять не возьмёшь.

Внизу, во дворе, хлопнула автомобильная дверь. Леонид проверил время и убрал телефон раньше, чем мать успела это заметить.

— Он придёт?

— Уже пришёл. В комнате.

Из-за прикрытой двери донёсся короткий скрежет, затем два глухих удара. Кто-то тянул мебель через порог, не желая просить помощи. Леонид знал этот способ передвижения тяжестей и этот промежуток между ударами. В детстве Глеб точно так же спускал с лестницы деревянные санки: подтянет к себе, упрётся коленом, даст им упасть на следующую ступеньку.

Мать сунула Леониду чистое полотенце.

— Вытри руки. У меня вода в ванной пока идёт.

— А на кухне?

— Там кран сняли. Новым жильцам всё равно другой нужен.

— Могла бы сказать, я бы приехал.

Зоя Павловна посмотрела на него и стала отрезать от яблока коричневый бок. Нож у неё был маленький, с обмотанной ручкой, и двигался так неторопливо, что Леонид успел рассердиться на себя за сказанное.

— Приехал сейчас, — ответила она. — Вымой руки.

Когда он вернулся, Глеб стоял у кухонного окна с отвёрткой в руке.

Леонид прежде всего заметил седую прядь над ухом. Она была гуще, чем на редких снимках, которые мать показывала с телефона, и не шла брату: делала его похожим на человека, которого Леонид знал недостаточно хорошо, чтобы судить, что ему идёт. Глеб был в тёмной рабочей рубашке. На груди, чуть выше кармана, торчала нитка; пуговицу пришили недавно и другого цвета.

— Привет, — сказал Леонид.

— Привет.

Глеб посмотрел на полотенце в его руках.

— Дай сюда. Край сухой?

Леонид передал. Брат завернул в полотенце снятую оконную ручку, прижал большим пальцем и повернул отвёртку. Маленький винт наконец сдвинулся.

— Закис, — сказал Глеб матери. — До переезда хватит. Потом пусть меняют.

Он положил ручку на подоконник, заметил на полотенце тёмное пятно и перевернул его чистой стороной вверх. Леонид не мог решить, было это заботой о матери или старой привычкой прятать испачканное место. От самого желания решить стало неприятно.

— Садитесь, — сказала Зоя Павловна.

Никто не сел.

Она положила яблочную кожуру на блюдце и отпила из третьей чашки. Чай, судя по её лицу, успел остыть.

— Значит, так. Машина придёт во вторник. Что моё, я подписала. Что ваше, разбирайте сегодня. Не будете брать — напишите на коробке, что оставляете. Клавдия попросила старые ткани для кружка, но ваши железки ей не нужны.

— Мы разберём, — сказал Леонид.

— Вот и хорошо.

Зоя Павловна взяла со спинки стула сумку.

— Ты куда?

— К Клавдии. Мы обещали сходить посмотреть ей очки.

Леонид взглянул на брата, потом опять на мать.

— Мы же договаривались поговорить.

— Вы договаривались. Со мной всё обговорили ещё на прошлой неделе. Мне нижний ящик оставьте: там формы для пирогов. И не заклеивайте коробку с лампой, я вечером почи-таю.

Глеб отодвинул от двери сложенную стремянку. Мать взяла ключи, попробовала на вес сумку и вытащила из неё завязанный пакет.

— Это вам. Поесть. Не надо провожать.

На пороге она всё-таки остановилась.

— Леня, у тебя машина далеко?

— Через дом.

— Тогда заберёшь тяжёлое. Глеб пешком.

Она ушла, оставив пакет на полу между ними. За дверью ещё некоторое время звенели ключи: мать проверяла, тем ли закрыла замок. Потом шаги стали тише.

Леонид поднял пакет и поставил на кухонный стол. Глеб убрал отвёртку в нагрудный карман. За окном медленно сдавал назад фургон; из открытой кабины доносилась песня, слова которой оба, наверное, знали.

— Она одна там справится? — спросил Леонид.

— С Клавдией?

— В новой квартире.

— Съездишь, посмотришь.

Леонид отвернулся к чашкам. На одной была выцветшая синица. В детстве они оба считали её своей и узнавали по щербинке на ручке. Мать поставила её к месту Глеба. Леонид решил, что заметил это случайно.

— Давай хотя бы начнём с вещей, — сказал он.

— Я с них и начал.

В комнате на полу лежал длинный чёрный ящик. Брат уже стащил его со шкафа, обмотал шнуром и подложил под нижний край кусок картона, чтобы не царапать паркет. Рядом стояли две узкие колонки. У одной треснула боковая планка; из щели торчала серая пыльная ткань.

Леонид узнал стойку для двух микрофонов, ещё до того как увидел красную метку на разъёме.

— Это осталось?

— Как видишь.

— Я думал, мы продали.

— Ты много чего думал, что мы продали.

Глеб взялся за шнур. Леонид нагнулся к другому концу ящика, но брат уже потянул его на картон.

— С той стороны ручка вырвана.

— Держу за дно.

Они подняли ящик. Леониду показалось, что тяжесть распределилась неправильно: его конец шёл вверх легко, а Глеб задерживался у порога. Хотелось перехватить поудобнее, но пальцы упёрлись в дверной косяк, и он сначала попросил подождать.

Глеб остановился сразу.

— Куда ставим?

— На стол? — предложил Леонид.

— Стол мать забирает.

Они опустили ящик на два табурета. Шнур соскользнул с одного угла и хлестнул Леонида по запястью. Он разжал руку, растёр кожу и вдруг вспомнил, как брат когда-то подносил узлы близко к глазам и щурился, пытаясь распутать. Сейчас тот вытащил из кармана маленький нож, поддел затянутую петлю и снял шнур целиком.

— Твои микрофоны внутри? — спросил Леонид.

— Не мои.

— Наши, хорошо.

— Не «хорошо». Я просто сказал, что они не мои.

Леонид выпрямился. От неловкого подъёма ныла поясница. Он приехал с готовым первым предложением и никак не мог найти место, куда его поставить. Вчера вечером оно казалось простым: признать, что оба потеряли время, спросить, можно ли начать говорить иначе. Теперь из него следовало, что время они потеряли одинаково.

Глеб открыл крышку.

Внутри лежали два микрофона на коротких шнурах, плоский смесительный блок и свёрнутая схема, которую Леонид собственноручно нарисовал на обороте афиши. Афиша пожелтела по краям, а его красные стрелки всё ещё выглядели свежими. У нижнего поля сохранился номер телефона мастерской — старый, давно отключённый.

— Я это заберу, — сказал Леонид.

— Зачем?

— Не знаю пока. Может, кому-нибудь отдам.

— Тогда я отдам. У нас детям иногда звука не хватает.

— Я могу купить им нормальный.

Брат посмотрел на него, придерживая крышку.

— Мы ещё не дошли до того места, где ты мне что-нибудь покупаешь.

Леонид услышал собственное дыхание и заставил себя не отвечать сразу. В рабочих разговорах он в таких случаях просил человека назвать, что именно тот услышал. Сейчас просьба прозвучала бы издевательством.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю. Ты всегда другое имеешь в виду. А потом остаётся то, что сказал.

Глеб опустил крышку, но замок не закрыл. Леонид положил ладонь на чёрный дерматин. Под пальцами он был шершавым, местами вздулся мелкими пузырями.

— Давай всё-таки поговорим.

— О чём?

— О нас.

— Нас сейчас двое мужиков в материнской комнате. Надо вещи вынести.

— Глеб.

— Что?

Леонид посмотрел на распахнутую сумку у двери. Там уже лежали снятые крючки, оконная ручка, пакет с винтами. Брат собирался закончить полезную работу и уйти, оставив ему всё, ради чего он приехал.

— Я не хочу ещё двадцать лет вот так, — сказал Леонид.

Глеб отпустил крышку.

— А я их и не заказывал.

Фраза вышла тихой. Леонид приготовился к раздражению и не успел защититься от усталости, с которой брат это произнёс. Тот отошёл к окну и поставил треснувшую колонку ровнее, хотя она и так не могла упасть.

— Я вернул деньги, — сказал Леонид.

— А я тебе их вернул.

— Вот об этом и надо было поговорить.

— Когда?

— Тогда. Сейчас. Я не знаю.

Глеб повернулся. Леонид впервые за весь день узнал его лицо без усилия: не юное лицо под сединой, а то выражение, с которым брат двадцать лет назад стоял у ворот мастерской, пока двое людей выносили заказанные и не оплаченные ими щиты.

— Ты знаешь, что мне звонил тот человек с вывеской? — спросил Глеб. — Не в тот год. Потом. Увидел меня на рынке и решил, что я от него прячусь. Я стою с Антонининой сумкой, он мне про свои деньги. А они у меня дома ни разу не лежали.

— Почему ты не сказал?

Глеб коротко засмеялся.

Леонид закрыл глаза на секунду.

— Да. Понял.

— Нет, не надо. Не сейчас этим голосом.

— Каким?

— Которым ты понимаешь. Я его по телевизору слышал.

До Леонида не сразу дошло, что брат смотрел передачу. Там было всего семь минут: двое владельцев общего двора, спор из-за ворот, его собственное лицо слишком крупно. Он год сердился на редактора за то, как тот смонтировал разговор, и ни разу не подумал о Глебе среди зрителей.

— Это моя работа, — сказал он.

— Я знаю.

— И я не собираюсь с тобой работать.

— Вот и славно.

За стеной включили дрель. Мелкая вибрация прошла по полу и поднялась через ножки табуретов к ящику. Одна из петель тонко зазвенела. Глеб прижал её пальцем, звук пропал, но откуда-то из-под крышки донёсся короткий щелчок.

Он поднял её снова.

— Батарея там не оставалась?

— Двадцать лет?

— Я спросил, не оставалась ли.

Леонид взял смесительный блок за боковые скобы. Крышка батарейного отсека была открыта, внутри темнели два пустых гнезда.

— Нет.

Глеб вытащил сетевой шнур, распрямил залом и осмотрел изоляцию. Подключать сразу не стал: сначала перевернул блок, провёл ладонью возле вентиляционной решётки, вытряхнул из неё несколько сухих крупинок.

— Оно вообще нужно? — спросил Леонид.

— Ты забираешь или я?

— Ты.

— Тогда нужно узнать, работает ли.

Розетка была одна, у ножки материнского кресла. Леонид отодвинул пустую коробку и протянул Глебу конец удлинителя. Они подключили блок, затем колонку с целой планкой. Вторая осталась возле окна.

Красный огонёк загорелся не сразу. Глеб нажал кнопку ещё раз, и из колонки вырвалось сухое шуршание. Он убрал усиление почти до конца. Дрель за стеной замолчала.

Леонид видел, как брат устраивает на столе два микрофона, и понимал, что сейчас они могут провести ещё час совершенно спокойно. Проверить провода, уложить их в ящик, вынести табуреты. Человек мог оказаться удивительно близко, если достаточно точно выбрать занятие, в котором его помощь не означала ничего лишнего.

— Ты ведь не должен меня прощать сегодня, — сказал он.

Глеб остановился.

— Спасибо, что разрешил.

Леонид отодвинулся от табурета.

— Слушай, я приехал. Не потому, что мать заставила. Я хочу, чтобы мы перестали...

Из колонки произнесли:

— Не надо.

Голос был тихий, обыкновенный, незнакомый. Последний слог слегка растянулся, будто человек говорил, отворачиваясь от микрофона.

Глеб посмотрел на блок. На нём светился один красный огонёк. Оба микрофона лежали на столе, каждый со своим коротким хвостом: брат ещё не вставил разъёмы в гнезда.

— Радио ловит, — сказал Леонид.

Он сказал это с облегчением, которое сам услышал.

Глеб повернул регулятор. Шуршание стало громче; голоса не было. Он убрал усиление и наклонился к разъёмам.

— Откуда радио? Тут приёмника нет.

— Наводка. Чужой передатчик.

Глеб посмотрел на него, но спорить не стал. Вытащил из блока шнур колонки. В комнате наступила тишина, и сразу стало слышно, как во дворе закрывают борт фургона.

Леонид поднял телефон, открыл запись звука и положил его на подоконник. Брат заметил движение.

— Для чего?

— Если повторится.

Глеб вставил шнур обратно.

Почти сразу из колонки донёсся частый низкий треск. Леонид услышал в нём что-то похожее на речь, но слова не складывались. На миг захотелось попросить повторить. Он не попросил.

Глеб опустил на корточки у удлинителя.

— Сейчас с другой розетки попробуем.

— Подожди.

Брат убрал руку от вилки.

— Что?

Леонид не смотрел на него. Он смотрел на чёрную ткань колонки, на пыльную полосу вдоль нижнего края, туда, откуда шёл звук.

— Кто сказал «не надо»?

Вместо ответа послышался длинный неровный выдох. Глеб медленно поднялся и встал по другую сторону табуретов.

— Выйди, — сказал он Леониду.

— Зачем?

— Хочу проверить.

Он показал на дверь. Леонид вышел в коридор, оставил её открытой и услышал, как брат спросил:

— Теперь что?

Колонка шуршала.

Глеб повторил вопрос. Потом позвал Леонида обратно.

— Подойди к ящику.

— Глеб, если это...

— Я сам не знаю. Подойди.

Леонид остановился возле своего табурета. На телефоне всё ещё шла запись. Он увидел собственный рукав на чёрной поверхности экрана и подумал, что глупо было положить аппарат так далеко от источника звука.

— Мы здесь, — сказал он.

Из колонки раздался короткий щелчок, за ним ещё два. Голос появился в промежутке между ними, ломаясь на согласных:

— Не заканчивайте.

Глеб отступил, задев бедром пустую коробку. Она съехала по паркету, остановилась возле стены. Оба проследили за ней глазами, словно это обычное движение могло подсказать, что делать дальше.

— Что не заканчивать? — спросил Леонид.

Шуршание стало ниже. Где-то глубоко в нём дрожал тонкий звук, который Леонид не мог сравнить ни с одним знакомым голосом.

— Это, — ответили из колонки.

Он посмотрел на брата.

Глеб стоял, потирая бедро. Подождал, затем подошёл к подоконнику, взял телефон и коснулся кнопки остановки. Леонид хотел сказать, что запись надо оставить, но брат уже нажал воспроизведение.

Сначала они услышали фургон, потом собственные голоса. На словах «Что не заканчивать?» Глеб поднёс аппарат ближе к уху. Следом прозвучало отчётливое «Это» — маленькое, плоское, почти без шуршания.

Леонид протянул руку.

Глеб не отдал телефон.

— Ещё раз, — сказал он.

Они прослушали конец повторно. Леонид видел, как у брата двигается горло. Слова о радио теперь выглядели слишком лёгкими. Он всё ещё мог произнести их, только пришлось бы повысить голос.

— Я никого сюда не приводил, — сказал Глеб.

Леонид понял, в чём его подозревают, и на несколько секунд забыл о колонке.

— Думаешь, я бы такое устроил?

Брат посмотрел ему в лицо.

— Я не знаю, что ты теперь можешь устроить.

От этого стало больнее, чем от всех прежних слов. Хотелось уйти немедленно, оставив ему ящик, телефон, оставшуюся половину материнской квартиры. Леонид даже сделал шаг к двери. Потом остановился, потому что аппарат всё ещё находился у Глеба и ничего важного нельзя было исправить, вырвав его из рук.

— Верни, пожалуйста.

Глеб положил телефон на крышку ящика.

— Забирай.

Леонид взял его. Запись была обычной записью, с сегодняшним числом и длительностью четыре минуты одиннадцать секунд. От этого обстоятельства не стало ни спокойнее, ни страшнее. Просто у непонятого появился размер, который можно было переслать другому человеку.

Из колонки слышалось:

— Ещё.

Братья посмотрели на неё.

— Ещё что? — спросил Глеб.

— Не... — Голос прервался треском. — Сегодня.

Леонид сел на свободный край материнского кресла. Под чехлом у подлокотника шевельнулась забытая деревянная спица. Он вытащил её и положил на колени.

— Ты просишь нас не заканчивать разговор сегодня?

В колонке что-то тихо стукнуло, будто ногтем провели по пустой чашке.

— Да.

Леонид медленно повернулся к брату. Тот держал в руке сетевой шнур, просунув палец в свободную петлю.

— Не выдёргивай пока, — сказал Леонид.

Глеб посмотрел на вилку, оставшуюся в удлинителе, потом на собственную руку.

— Я не выдёргиваю.

Он аккуратно положил свободную петлю на пол.

На кухне всё ещё стояли три чашки. Чай в них давно остыл, и ни одна из братьевских так и не была тронута.

Глава 2. Два провода

Глебу хотелось, чтобы Леонид всё-таки оказался виноват.

С этим можно было бы справиться. Сказать ему пару вещей, при которых прежде останавливала мать, взять сумку, уйти. Остаться потом с досадой на собственную доверчивость и через неделю уже знать, как рассказывать Антонине об очередной братской затее. Она выслушала бы, спросила, зачем он согласился встретиться, — и была бы права, что тоже раздражало, но оставалось привычным.

Незнакомый голос мешал рассердиться как следует.

Леонид сидел в материнском кресле, держа на коленях деревянную спицу. Он, похоже, забыл, зачем её вытащил. Кончик упирался в ткань брюк; Глеб хотел предупредить, что продырявит, и не сказал. Брату всегда доставались в этой квартире мелкие предостережения, словно он был гостем, которого легче обслужить, чем научить находить вещи самому.

— Ладно, — произнёс Глеб.

Леонид поднял голову.

— Что ладно?

— Я уберу провод. Посмотрим.

Он показал на шнур колонки, чтобы брат не решил, будто речь идёт о вилке. Вытащил разъём из гнезда. Чёрная ткань на передней стенке едва заметно дрогнула, затем замерла.

— Ты слышишь? — спросил Глеб.

Смесительный блок молчал. В самом деле, у него не было своего динамика, и ждать от него голоса было незачем. Глеб всё же подождал, наклонив голову, потом включил колонку обратно.

— Теперь?

Ответ появился после долгого шуршания:

— Слышу.

Леонид осторожно положил спицу на подлокотник.

— Это кому?

— Я не знаю, — сказал Глеб.

Он достал телефон, нашёл номер Веры Кудриной и посмотрел на часы. Вера по четвергам занималась со своими студентами до вечера. Сегодня, кажется, была суббота. Глеб последние недели жил не по дням, а по размерам щитов, которые надо было привезти на площадку к назначенному часу.

— Ты кому? — спросил Леонид.

Глеб убрал телефон.

— Человеку, который в звуке понимает.

— Давай сначала сами.

— Мы уже сами.

Он взял левый микрофон, присоединил его к первому входу. Проговорил в него номер канала. Обыкновенный голос получился слишком громким, ударил в стену и вернулся к ним пустым эхом.

Леонид поморщился.

— Потихе.

Глеб уменьшил усиление.

— Первый. Второй. Ты где?

Снова только шуршание.

Он по очереди выключил оба входа, отсоединил микрофон и положил рядом со вторым. Теперь оставались два провода: питание и колонка. Больше ни к чему блок не был подключён.

— Говори, — попросил он.

Леонид подался вперёд.

— Зачем ты просишь не заканчивать?

Ответ пришёл так тихо, что Глеб нагнулся к колонке:

— Тихо.

— Что тихо?

— Потом.

Леонид посмотрел на брата.

— Боишься, что потом будет тихо?

— Ты ему ответы не подсовывай, — сказал Глеб.

Леонид закрыл рот и откинулся в кресле. Раньше Глебу нравилось выигрывать такие маленькие столкновения. Брат успевал навязать разговору форму — Глеб её ломал, и несколько секунд никто не мог пользоваться ею против него. Сейчас удовольствие не пришло. В колонке всё ещё кто-то пытался договорить.

— Скажи сам, — произнёс Глеб. — Как умеешь.

Шуршание стало ниже. Из него проступили два коротких звука, больше похожих на слоги, чем на слова. Глеб ждал. Когда стоишь возле незнакомого ребёнка, которому трудно застегнуть молнию, тоже нельзя сразу хвататься за замок: неизвестно, помощи он ждёт или возможности закончить самому.

— Меня... — донеслось из колонки. — Мало.

Леонид резко выдохнул.

— Тебя стало мало, когда я сказал, что мы должны перестать ссориться?

Глеб повернулся к нему.

— Он этого не сказал.

— Я спрашиваю.

— Ты опять спрашиваешь так, что осталось согласиться.

— А как, по-твоему, надо?

В колонке треснуло, словно кто-то быстро провёл пальцем по ребристому пластику. Глеб вспомнил отцовскую расчёску, на которой они в детстве пытались играть через бумагу. Он не хотел вспоминать это сейчас и всё равно услышал в звуке то же неумелое усилие.

— Согласиться, — повторил голос.

Леонид замер.

— Что?

— Не надо.

Некоторое время они стояли по разные стороны ящика. Потом Глеб перевёл взгляд на красный огонёк и выключил питание.

Это вышло раньше, чем он решил. Большой палец нашёл клавишу, нажал; привычный щелчок закончил действие, которое ещё можно было обсуждать.

Леонид встал.

— Глеб.

— Что?

— Зачем?

— Проверить.

Брат смотрел так, будто он только что сделал что-то грубое при постороннем человеке.

Глеб опустил глаза на руку. Красный огонёк погас, но блок продолжал еле слышно гудеть: небольшой звук шёл из корпуса, уже без колонки, и постепенно стихал. Глеб подождал, пока он совсем исчезнет, затем нажал клавишу снова.

Огонёк загорелся со второй попытки.

Первым вернулось шуршание. Потом послышалось:

— Не надо.

Леонид сел обратно в кресло, словно ему подрезали ноги.

Глеб продолжал держать палец на клавише, хотя это уже ничего не меняло.

— Ты сейчас пропадал? — спросил он.

— Не... — Голос оборвался. — Надо.

— Я понял. Я спрашиваю, ты слышал, что мы говорили, пока было выключено?

Леонид поднял голову.

— Мы ничего не говорили.

Глеб убрал руку от блока.

Он и сам знал, что не говорили. На работе ему пришлось бы начать сначала: выбрать понятный признак, не менять два условия разом, не принимать за проверку движение, которое совершил от нетерпения. Только на работе из колонки не просили остановиться.

Леонид взял телефон. Выбрал последнюю запись, коснулся значка отправки и повернул экран к Глебу.

— Куда тебе?

Брат назвал номер, хотя знал, что Леонид может взять его у матери. Произносить цифры оказалось странно. Он впервые за много лет говорил Леониду, как его найти, и тот внимательно вносил каждую цифру, не перебивая даже знакомый код.

Телефон у Глеба коротко завибрировал. Пришёл звуковой файл без подписи.

— Отправлю Кудриной, — сказал он.

Леонид помедлил.

— Она надёжная?

— Иногда опаздывает. И инструмент не возвращает, пока не спросишь.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Она поймёт, что мы услышали. А я нет.

Глеб нашёл переписку с Верой. В прошлый раз они обсуждали деревянные короба для её занятий. До этого она присылала фотографию потолка в помещении, где собиралась поставить микрофоны, и спрашивала, сколько будет стоить временная перегородка. Глеб так и не ответил про перегородку: не успел приехать посмотреть, а называть сумму по потолку не хотел.

Теперь он написал: «Сможешь послушать странную вещь? Два человека слышали в комнате. Я при этом был». Добавил файл и убрал телефон, пока не придумал более убедительного объяснения.

Леонид смотрел на него с таким лицом, будто они только что подписали что-то общее.

Глеб отвернулся к окну.

Мать ещё перед уходом просила вернуть табуреты на кухню. Теперь они держали ящик, по одному под каждым концом. Глеб посмотрел на провода, пошёл в коридор и принёс складную стремянку.

— Давай переставим.

— Куда?

— На нижнюю ступень. С одной стороны. С другой подложим коробку.

Леонид посмотрел на провода.

— Он же...

— Разговор не заканчиваем. Ящик переставляем.

Глеб услышал собственные слова и рассердился. Ещё час назад он хотел уйти. Теперь объяснял мебели и голосу, почему не нужно возражать против небольшого перемещения.

Леонид встал, отодвинул кресло и подобрал с пола свободную петлю удлинителя, чтобы не попала под стремянку. Питание оставили подключённым. Стремянку установили возле стены, нижнюю широкую ступень накрыли картоном. Второй конец ящика должен был лечь на коробку с материнскими книгами, которую Глеб проверил, прежде чем поднимать.

Колонку он поставил на пол. Леонид взялся за исправную ручку, Глеб подхватил противоположный край снизу. На этот раз никто не задержался у двери: они перенесли ящик всего на полшага и опустили ровно, не перекашивая крышку.

С колонки донеслось:

— Это... надо?

Глеб выпрямился.

Леонид посмотрел на свободные табуреты и неожиданно засмеялся. Негромко, без веселья, скорее оттого, что вопрос наконец касался чего-то простого.

— Да. Маме надо на чём-то сидеть.

— Я не... — Голос задержался. — Это.

— Что?

Вместо ответа зашуршало. Потом различимо прозвучало:

— Вы.

Глеб понёс табуреты на кухню, по одному в каждой руке. Зацепил ножкой за косяк, остановился, повернул и прошёл боком. От Леонида он в этот момент ничего не хотел, даже помощи, и всё равно услышал за спиной, как брат придержал дверь.

На кухне ждал материнский пакет. Глеб развязал узел и достал контейнер с котлетами, завернутый в полотенце хлеб и две маленькие банки со смородиной, на которых были подписаны их имена. Мать не ставила банки рядом: одну спрятала сбоку, между хлебом и стенкой пакета, словно даже варенью ещё требовалось соблюдать расстояние.

— Поешь, — сказал Леонид из дверей.

Глеб открыл хлеб. Нож нашёлся в сушилке. Он отрезал два ломтя, потом ещё два — слишком тонких, с дырками в середине, — и положил их на отдельную тарелку.

— Бери.

Леонид не стал благодарить. Поднял тарелку, выбрал ломоть без дырки, словно не успел заметить, что они разные. Глеб понял, что специально заметил это за него, и откусил от своего.

Они ели стоя, хотя только что освободили табуреты.

Из комнаты доносилось слабое шуршание. Глебу казалось, что оно меняет высоту всякий раз, когда кто-нибудь из них перестаёт жевать. Он знал, что теперь станет находить смысл в любом звуке: в воде, в моторе, в песке под колёсами. Когда ломается привычная вещь, это раздражает. Когда привычная вещь произносит просьбу, начинаешь ждать просьб от всех остальных.

Леонид набрал матери сообщение и показал ему прежде, чем отправить: «Вещи не закончили, задержимся. Поели. Всё нормально».

— Последнее убери, — сказал Глеб.

Леонид стёр и отправил.

* * *

Вера ответила, когда они снова вышли в комнату.

«Где записывал? В каком помещении? Что из аппаратуры было включено?»

Глеб сделал общий снимок комнаты, затем отдельно снял блок с двумя проводами, лежавшие неподключённые микрофоны и колонку. Написал, что слышали до включения записи; на просьбу выйти голос переставал отвечать, но один раз так проверили, и из этого он ничего не понимает. Сообщение получилось длинным, с оборванной фразой посередине. Он отправил как есть.

Леонид сидел на полу возле ящика. Кресло он оставил пустым и держал телефон так, чтобы тот записывал колонку с близкого расстояния.

— Ты нас различаешь? — спрашивал он.

Сразу же добавил, не дожидаясь вмешательства брата:

— Можно ответить как получится.

Из колонки произнесли:

— Да.

— Как?

Треск. Пауза.

— Ты.

Леонид посмотрел на Глеба. Тот прислонился к косяку, сложив руки на груди.

— Это кто сейчас «ты»? — спросил он.

Ответ запоздал:

— Другой.

Леонид улыбнулся. Глеб не улыбнулся, но напряжение в плечах немного отпустило. В первый раз ответ был так плох, что его трудно было принять за заранее подготовленный трюк.

— Я Леонид, — сказал брат. — Это Глеб.

Глеб хотел остановить его, потом махнул рукой. Сам он уже отправил Вере запись их разговора, и теперь беречь имя от того, что сидит в колонке, было бы нелепо.

— Леонид, — повторил голос.

Последнее «д» получилось отдельным сухим щелчком.

— Да.

— Глеб.

— И это да.

Наступило молчание, такое длинное, что Глеб вытащил телефон проверить, не ответила ли Кудрина. На экране было только прежнее сообщение.

— А ты? — спросил он, не поднимая глаз.

Из колонки донеслось:

— Глеб.

— Нет. Я понял. Ты себя как зовёшь?

— Я.

Леонид перестал улыбаться.

Глеб присел на корточки и заглянул под блок. На дне была старая бумажная наклейка с названием их мастерской; фамилию они тогда писать не захотели, придумали слово, которым оба потом стеснялись пользоваться. Наклейка размокла, под правым углом скопилась пыль. Он не стал её оттирать.

— Хорошо, — сказал он. — Пока так.

— Не заканчивайте.

Глеб поднял голову.

Просьба теперь прозвучала отчётливее, без провала в середине. В ней не было ни имени, ни объяснения, и всё-таки за прошедший час она стала принадлежать кому-то одному. Глеб не знал, сколько времени на это полагается. Может быть, достаточно дважды услышать, как один и тот же голос не может договорить.

Он встал и отошёл к окну.

— Я не собирался сегодня ничего заканчивать, — сказал он.

Леонид посмотрел ему в спину.

— Знаю.

— Нет. Не тебе.

Брат наклонил голову к телефону и проверил, продолжает ли идти запись.

Глеб долго смотрел во двор. Фургон уехал, на его месте двое мальчишек вели друг другу мяч так медленно, будто спорили о чём-то более важном, чем игра. У ворот стояла женщина

с маленькой собакой и ждала, когда они отойдут. Глебу отчего-то хотелось открыть окно и попросить их не торопиться.

Телефон завибрировал.

Вера прислала голосовое сообщение. Она говорила на ходу; за её словами были слышны быстрые шаги и звякнувшая связка ключей.

— Не пересылай пока дальше, пожалуйста. Я хочу услышать сама. Завтра с утра смогу. До этого ничего специально не разыгрывайте. И блок не разбирай под напряжением, я знаю, что ты любишь с отвёрткой.

Глеб убрал телефон от уха. Леонид ждал.

— Приедет завтра, — сказал он. — Послушает.

Он собирался добавить, что до завтра останется мать, что здесь нельзя оставить включённую старую аппаратуру без присмотра, что самому ему через два часа нужно быть в мастерской. Все три обстоятельства стояли одно поперёк другого, и ни одно не исчезало от того, что они слышали голос.

Леонид первым поднялся.

— Я могу остаться до её возвращения.

— А потом?

— Решим. Ящик можно ко мне отвезти. Здесь провода под ногами.

— Мать по телефону не допрашивай. Сама придёт — расскажем.

— Хорошо.

Глеб взял у двери сумку. Оконная ручка внутри стукнула о коробку с винтами. Он переложил её в боковой карман, чтобы потом не искать, и застегнул молнию.

Из колонки спросили:

— Уходишь?

Он остановился.

— На работу. Вернусь.

— Когда?

Глеб посмотрел на брата, потом снова на чёрную ткань.

— Вечером. Точно не знаю.

— Он... здесь?

— Он здесь.

Голос пропал. Пять секунд, десять. Глеб не собирался засекать и всё же считал, пока надевал куртку. Леонид остался стоять у ящика, не приближаясь к кнопке.

В прихожей Глеб нашёл на коробке свою банку смородины. Брат успел вынести её с кухни и положил рядом с ней завернутый в полотенце остаток хлеба.

— Твоя половина, — сказал Леонид из комнаты.

Глеб взял банку, а хлеб оставил. Потом достал телефон и отправил Леониду фотографию блока, которую только что сделал для Кудриной.

«Два провода. Больше ничего не включай».

Он подождал, пока сообщение отметится прочитанным, и только тогда закрыл за собой дверь.

Глава 3. Оставшиеся вещи

Оставшись один, Леонид перестал задавать вопросы не сразу.

Он подождал, пока стихнут шаги на лестнице, спросил, слышно ли его, и подвинул телефон ближе к колонке. Потом придумал, что ответ может быть слишком слабым. Увеличил усиление. Шуршание стало громче, в нём проступил низкий гул; Леонид убрал регулятор обратно и посмотрел на фотографию, которую прислал Глеб.

Два провода. Он ничего больше не включал.

У материнской спицы на конце сохранилось пятно зелёной краски. Леонид помнил, как мать подкрашивала такими спицами мелкие царапины на кухонной двери: окунала кончик в крышку от банки и касалась им дерева. Он долго не мог понять, зачем портить вещь, которой можно вязать. Потом купил ей набор новых спиц, лёгких, гладких, в красивом чехле. Она поблагодарила и оставила набор для гостей, которым иногда требовалось что-нибудь показать.

Леонид поднял спицу с подлокотника, хотел отнести на кухню, но не знал, в какой ящик её теперь положить. Вернул на прежнее место.

Телефон показал входящий звонок. Номер был рабочий, незнакомый, хотя имя владельца высветилось из заметки, которую Леонид сделал после первого разговора: «Сергей. Ворота. Не до десяти утра».

Он ответил шёпотом, потом рассердился на себя и заговорил обычным голосом.

Сергей объяснял, что сосед передумал и хочет перенести встречу на неделю. Леонид слушал, глядя на колонку. Шуршание было ровным, ничего не происходило.

— Вы от него сами это слышали? — спросил он.

— Жена передала.

— Его или ваша?

— Моя. Ей его жена сказала.

Леонид закрыл глаза и улыбнулся. В другой день ему понадобилось бы несколько минут, чтобы убрать из этого маленького двора всех добровольных посредников, оставить двоих людей и спросить, кто из них когда может выйти к воротам. Сейчас он представил, что за каждой передачей фразы кто-то задерживается ещё на одно слово, и не стал торопить.

— Напишите ему напрямую. Когда ответит, сообщите мне. Сегодня я не смогу приехать.

— А завтра?

Леонид посмотрел на ящик.

— Завтра тоже пока не обещаю. Если срочно, могу дать другой контакт.

Сергей помолчал и сказал, что не срочно. Просто хотелось разобраться, пока хорошая погода.

После звонка Леонид некоторое время держал телефон в руке. Он уже приготовился объяснить кому-то, где задерживается и почему чужие ворота перестали быть самым важным делом, но никто не потребовал объяснения.

В колонке тихо щёлкнуло.

Он наклонился.

— Я здесь.

Шуршание продолжалось.

— Глеб вернётся вечером. Он сказал.

Ответа не было.

За окном оставалась та самая Тверь, в которой они умудрились двадцать лет не встретиться. Обоим случалось ездить мимо материнского дома и не подниматься, потому что во дворе стояла машина другого. Однажды Леонид увидел брата в очереди за хлебом: тот был в нескольких шагах, отвернулся к витрине, и Леонид вышел, так ничего и не купив. Потом долго

доказывал себе, что не хотел устраивать сцену у чужих людей. Хотя Глеб вполне мог сказать просто «привет» и вернуться к своему хлебу.

Мать пришла с бумажным футляром для очков и маленьким горшком рассады.

— Это Клавдии, — объяснила она, перехватив горшок удобнее. — У неё руки были заняты. Завтра заберёт.

Леонид взял у неё сумку. Хотел сразу начать рассказывать, но мать попросила подождать, пока она снимет обувь и вымоет руки. Потом обнаружила, что полотенце лежит на оконном подоконнике с тёмным пятном, покачала головой и достала другое.

— Глеб ручку сделал?

— Разобрал. С собой забрал.

— Я вижу, что забрал. Без неё окно закрывается?

Леонид прошёл на кухню и попробовал. Окно было притворено, но удержать створку плотно без ручки не получалось. Он прижал её ладонью, почувствовал, как с улицы тянет тёплым воздухом.

— Я ему напишу.

— Я сама напишу.

Мать поставила рассаду на стол, подложила под горшок блюдце и только после этого села.

Леонид положил перед ней телефон.

— Послушай, пожалуйста.

Зоя Павловна сначала смотрела на экран. Когда зазвучал голос, она подняла глаза на сына и перестала двигаться. Леонид дослушал запись до конца вместе с ней. Ему показалось, что при новом слушателе слова становятся чужими: в первый раз они были просьбой в комнате, теперь их можно было принять за всё что угодно.

— Кто это? — спросила мать.

— Мы не знаем.

— Откуда?

Он показал в комнату.

Зоя Павловна встала, вытерла ладони о юбку, хотя руки были сухими, и прошла к колонке. Смотрела на неё с тем вниманием, с каким Леонид когда-то видел её у чужого больничного кресла: не приближаясь без нужды, но и не делая вида, будто ничего особенного не происходит.

— Там не было никакой записи, — сказал он. — Оба микрофона лежали отдельно. Мы вообще сначала просто разговаривали.

— А кто вас записал?

— Я потом включил телефон.

— До этого?

— Никто.

Она постояла ещё немного.

— Сейчас скажет?

— При мне одном молчит.

— А при мне?

Леонид посмотрел на ящик. Ему вдруг не захотелось проводить мать тем же путём, по которому они с Глебом уже прошли: задавать вопросы в надежде услышать что-нибудь достаточно похожее на ответ.

— Я не знаю, мам.

Зоя Павловна села в кресло. Спицу с подлокотника взяла сразу, сунула в карман кофты.

— Я дома, — сказала она колонке. — Вещи сегодня все не вынесли. Так что пока места здесь мало.

Они ждали. Из кухни было слышно, как вода капает в оставленную возле снятого крана миску; Глеб перекрыл подачу, но в трубке что-то ещё оставалось.

— Нет, — сказала мать наконец.

Леонид кивнул.

Она оглядела переставленный ящик, стремянку и коробку с книгами.

— Вы это всё решили держать у меня?

— Я могу забрать.

— Забери. Во вторник мне сюда люди зайдут. Я не стану им объяснять, почему на моих книгах стоит говорящая аппаратура.

Леонид услышал, как она старается не сказать лишнего, и от этого стало неловко. Он хотел, чтобы мать испугалась вместе с ним, помогла придать случившемуся определённый размер. Она заботилась о том, чтобы к приезду грузчиков оставался свободный проход.

— Ты думаешь, мы что-то перепутали?

— Я думаю, что ты мне сейчас рассказываешь правду.

— Но?

— Без «но». Что с ней делать, я ещё не знаю.

Она поднялась, взяла со стола свёрнутую схему и расправила загнувшийся угол.

— Это тоже не забудь. Глеб потом искать будет.

* * *

Брат вернулся позднее, чем обещал сам себе.

Леонид успел вынести к машине несколько материнских коробок, отнести в мусорный контейнер пустую упаковку, которую она сама отложила, и съездить за новым шнуром для лампы. Старый Зоя Павловна не дала выбросить; попросила оставить в пакете с прочими проводами, потому что «короткий кому-нибудь пригодится». Этот пакет потом пришлось долго искать среди тех, что она разрешила вынести.

Колонка всё это время молчала. Леонид выключил блок, пока ездил в магазин, и включил снова при матери. Никто не ответил. Он отправил Глебу короткое сообщение, что оставлять прибор без присмотра не стал. Тот ответил только, что едет.

Теперь Глеб стоял в прихожей с отремонтированной ручкой и маленьким бумажным пакетом.

— Это вам, — сказал он, передавая пакет матери. — Тоня булочки пекла. Лене тоже.

Леонид сделал вид, что занят коробкой.

— Она знает? — спросил он.

— Что ты булочки ешь?

— Про голос.

— Знает, что я услышал. Сама ещё не слышала.

Глеб прошёл на кухню, быстро поставил ручку на место и несколько раз закрыл окно. На этот раз проверял молча. Зоя Павловна потрогала поворотную часть, убедилась, что может повернуть без усилия, и отдала сыну его полотенце.

Леонид принёс пустую коробку для колонки. Блок они уложили в тот же чёрный ящик, подложив под скобы свёрнутую ткань. Глеб осмотрел провода, смотал лишнее так, чтобы узлы не затягивались.

— Сначала попробуем? — спросил Леонид.

Брат задержал руку на шнуре.

— Ты хочешь?

— Да.

Они подключили всё так же, как днём. Зоя Павловна стояла у двери с бумажным пакетом в руках.

Красный огонёк зажётся сразу.

— Мы вернулись, — сказал Леонид.

В колонке долго шуршало. Глеб потянулся к регулятору, но остановил руку, не коснувшись.

Голос появился внезапно:

— Не оба.

Мать крепче сжала пакет. Бумага хрустнула.

Леонид посмотрел на брата. Тот не двигался.

— Мы оба здесь, — сказал он.

— Не... были.

Глеб наклонился к колонке, но промолчал.

— Я уходил, — произнёс Леонид. — В магазин. Потом вернулся. А Глеб сейчас пришёл.

— Глеб.

Брат поднял голову.

— Здесь.

— Слышно.

Леонид почувствовал, как по спине прошёл холод. Днём голос просил не заканчивать, теперь помнил промежуток, когда они не были вместе. Это ещё ничего не объясняло, но переставало помещаться в случайно пойманную чужую передачу.

Мать поставила бумажный пакет на кресло и подошла ближе.

— Вы его кормить не обещали? — спросила она.

Леонид повернулся.

— Мам.

— Я спрашиваю. У меня тут когда-то три хомяка остались, которых тоже только на вечер принесли.

Глеб вдруг засмеялся. Леонид тоже почувствовал, как смех поднимается к горлу, но не смог выдать ни звука.

— Я... не... — произнесли из колонки.

Мать замолчала сразу.

— Не ешь? — спросил Глеб и спохватился. — Извини. Скажи.

Ответа не было. Только шуршание сделалось неровным, пошло короткими толчками.

Зоя Павловна медленно отступила к креслу. Села, положила руки на бумажный пакет и посмотрела сначала на одного сына, потом на другого.

— Я тоже слышу, — сказала она.

Леонид не ответил. Ему захотелось немедленно записать эти слова отдельно, чтобы они не потерялись среди всех остальных, и он удержался. Мать сидела перед ним, ей не требовалось превращаться в подтверждение.

— Мы хотим перенести ящик, — сказал он в сторону колонки. — В другое место. Пока в дороге будет выключено.

— Зачем?

Вопрос прозвучал чисто, почти без шороха.

Леонид показал на коробки и понял, что показывает зря. Он ещё ни разу не видел ничего, что означало бы: оттуда могут посмотреть.

— Здесь переезжают. Из квартиры. У нас будет больше времени.

Голос помолчал.

— Оба?

Глеб ответил прежде Леонида:

— Переносить будем оба. Потом мне домой.

— Потом... тихо.

Мать смотрела на колонку, не отводя глаз. Теперь в её лице было то выражение, которого Леонид ждал от неё раньше. Он не почувствовал облегчения.

— Завтра утром мы опять придём, — сказал он. — С человеком, который умеет слушать такие вещи. Я не знаю, как иначе.

В колонке треснуло, и произнесли:

— Не знаю.

Никто не стал уточнять, чьё это незнание.

Глеб подождал, затем коснулся выключателя. Держал палец рядом с клавишей, пока свет не погас. Мать подняла с кресла пакет, прошла мимо сыновей на кухню и положила булочки возле чайника.

Когда они вынесли ящик в прихожую, она придержала дверь.

— Лене домой повезёте?

— Да, — ответил Глеб.

— Тогда запишите мне адрес. Я у тебя только прошлый помню.

Леонид остановился так резко, что брату пришлось перехватить свой край.

Он жил в новой квартире четыре года. Мать знала, где это примерно: возле магазина, до которого они однажды доехали вместе. Он никогда не звал её остаться, потому что она всегда собиралась домой, а дальше они оба уже знали, как будет.

— Я пришлю, — сказал он.

— Лучше на бумажке. Под магнит.

Она оторвала чистый край от старого конверта и протянула сыну. Глеб поставил свой конец ящика на коробку, чтобы Леонид мог освободить руку.

* * *

На лестнице пришлось идти боком.

Ящик был длиннее, чем помнил Леонид, и углы никак не хотели проходить одновременно. Внизу Глеб остановился, сменил хват и попросил не спешить. Брат нес его тяжёлый конец, тот, в котором лежал блок. Леонид не стал предлагать поменяться посреди лестницы. Дождался площадки, спросил там.

— Уже донесём, — сказал Глеб.

У машины они раскрыли заднюю дверь, сложили одно сиденье и уложили ящик по диагонали. Колонка легла рядом, в отдельной коробке. Глеб закрепил её ремнём, дёрнул на себя, проверяя, затем отступил.

Леонид открыл переднюю пассажирскую дверь.

Брат постоял возле неё и сел.

До дома ехали молча. Дорогу Леонид знал хорошо, но дважды слишком поздно включил поворотник, и Глеб смотрел на боковое зеркало дольше, чем требовалось. На последнем светофоре у него зазвонил телефон.

— Да, еду, — ответил он. — Нет, не к нам. Отвезу и сразу. Тоня, я не умею тебе по телефону это рассказать. Приеду — расскажу.

Он выслушал ответ и добавил мягче:

— Булочки забрала. Спасибо тебе.

Леонид сделал музыку тише, хотя она и без того едва играла.

В квартире он сначала включил свет во всех комнатах. Глеб остановился возле порога, посмотрел на ещё не убранный пакет из магазина, на два сложенных стула у стены. Леонид собирался отдать их знакомым и уже полгода переносил из одного угла в другой.

— Сюда ставим? — спросил брат.

— На стол.

— Он тебе нужен будет.

— Есть другой.

Второго стола не было. Имелась узкая приставная доска у кухонного окна, за которой Леонид иногда ел. Глеб огляделся, но ничего не сказал. Они накрыли стол старым покрывалом, поставили ящик и вынули блок.

Леонид присоединил питание сам. Шнур от колонки протянул брату, чтобы тот вставил второй разъём. Глеб осмотрел его и подключил без замечаний.

Свет загорелся. Шуршание вернулось почти сразу.

Они ждали стоя.

Леонид увидел, что в углу ещё лежит нераспакованный рулон обоев, оставшийся от прежнего владельца. Никогда не мешал. Сейчас хотелось ногой задвинуть его за шкаф, словно незнакомый гость мог уже осмотреть комнату и сделать выводы.

— Здесь, — донеслось из колонки.

Глеб положил ладонь на край стола.

— Что здесь?

— Вы.

Леонид сел на один из сложенных стульев, едва успев его раскрыть. Другой раскрыл для Глеба. Тот покачал головой: не будет садиться, ему пора.

— Ты перенёлся? — спросил Леонид.

Глеб посмотрел на него.

— Дай ему сказать.

Леонид кивнул и больше не спрашивал.

Ответа они не получили. Голос ещё раз произнёс «здесь», но было непонятно, повторяет ли он себя, зовёт их или просто пробует новое слово. Леонид нашёл на телефоне запись, включил сохранение следующей.

— Семнадцатое мая две тысячи тридцать шестого года. Десять вечера.

Только потом понял, что сделал это при брате, будто уже знает, что понадобится людям, которые разберутся лучше них.

Глеб взял сумку.

— До девяти могу приехать, — сказал он. — С Кудриной согласую.

— Я дома.

Они не пожали друг другу рук. Леонид проводил его до двери, подождал, пока лифт опустится, и вернулся к столу.

Колонка шуршала. Блок стоял между двумя раскрытыми стульями, и на одном никто не сидел.

Леонид подвинул второй стул подальше, освобождая себе проход. Провод колонки натянулся. Он расправил петлю, отнёс её к стене и закрепил тяжёлой книгой, чтобы ночью не зацепить ногой.

Потом позвонил матери.

— Адрес ты видела?

— Уже под магнитом, — ответила Зоя Павловна.

Он представил клочок конверта на почти пустом холодильнике и вдруг захотел, чтобы мать хоть раз приехала к нему с сумкой, которую не надо будет через час нести обратно.

— После переезда приезжай, — сказал он. — Просто так. На чай.

Мать помолчала.

— Приеду. Только ты тот стул проверь. У него ножка подгибается.

Леонид посмотрел на второй стул. Он был старый, материнский; когда-то взял на пару дней и оставил у себя.

— Проверю, — сказал он.

После звонка Леонид поднял стул и перевернул. Болт у задней ножки держался на двух витках. Подходящего ключа дома не нашлось, и он написал Глебу, какой нужен.

Ответ пришёл через минуту:

«Возьму».

Глава 4. Чужой вопрос

Вера пришла без Глеба.

Леонид открыл дверь женщине в лёгком плаще, которая держала перед собой бумажный пакет и смотрела на номер квартиры. Он успел решить, что брат передумал, и уже приготовился объяснять, как найти его дом, когда из-за поворота лестницы донеслось:

— Я ключ забыл. В машине.

Глеб показался с коротким блестящим ключом в руке. Вера повернулась к нему.

— Ты же говорил, что пешком.

— Тоня подвезла. Ключ у неё оставил.

— А я думала, вы меня просто проверяете на терпение.

Она протянула Леониду пакет.

— Это не прибор. Печенье. Доброе утро.

Глеб прошёл к стулу раньше, чем снял куртку. Перевернул его, придерживая за сиденье, и двумя движениями подтянул болт. Потом поставил на пол, надавил на спинку.

— Теперь сядь.

Леонид сел. Стул не качался.

— Держит?

— Держит.

— Дальше пользуйся.

Вера смотрела на них из прихожей. Леонид понял, что они забыли предложить ей пройти. Она уже сняла плащ, свернула его подкладкой наружу и положила поверх своей сумки.

— Мне где мыть руки? — спросила она.

Пока она была в ванной, Глеб проверил два провода и отодвинул книгу, которой Леонид прижал лишнюю петлю. Осмотрел обложку шнура, положил книгу рядом.

— Прижать можно. Только не корешком.

Он сказал это без прежнего раздражения. Леонид почти обрадовался и сразу заметил, как мало ему требуется, чтобы принять полезное замечание за возвращённое расположение.

Вера пришла в комнату с мокрым пятном на рукаве. Часами проводила измерения звука, рассказывал Глеб; сейчас она неудачно подвернула манжету и промочила её до локтя. Увидев аппаратуру, остановилась.

— Тут всё как вчера?

— Квартира другая, — ответил Глеб.

— Я заметила. Подключение?

Он показал.

Вера не полезла к блоку. Встала у стола, поставила свою сумку на свободный стул и вынула из бокового кармана маленький записывающий прибор. Пальцы у неё были красные от горячей воды.

— Я пока буду записывать. Согласны?

Леонид кивнул. Глеб сказал «да». Вера подождала.

— Я спросила всех, — сказала она наконец.

В колонке шуршало. У Леонида отчего-то пересохло во рту: до этой секунды он ждал, что голос обрадуется их возвращению.

— Тут новый человек, — произнёс он. — Вера. Глеб вчера говорил, что она приедет.

— Приехала, — подтвердила Вера. — Запись — это когда мы сохраняем, что сейчас слышно. Потом можно послушать ещё раз. Можно?

Они прождали почти минуту. Глеб снял куртку и отнёс в прихожую. Леонид хотел предложить Вериной сумке другое место, чтобы она могла сесть, и не стал двигаться.

— Потом, — сказали из колонки.

Вера положила прибор на стол. Красная точка на нём ещё не горела.

— Записать потом?

— Слушать.

— Да. Потом слушать. Сейчас записывать.

— Да.

Она включила запись. Пальцем провела по мокрой манжете, скатала рукав выше и села прямо на край стула, потеснив собственную сумку.

— Я Вера, — сказала она. — Мой голос ты уже слышал?

— Нет.

Леонид почувствовал разочарование. Глеб вчера слушал сообщение Кудриной, прижав телефон к уху; голос из колонки мог и не слышать. Он уже начал вспоминать, насколько громко работал аппарат, когда Вера подняла ладонь.

— Не помогайте мне, пожалуйста.

Она достала из пакета с печеньем белую картонку, положила на стол и написала на ней несколько цифр. Развернула к колонке.

Глеб смотрел, нахмурившись.

— Что я написала? — спросила Вера.

Шуршание стало чуть выше.

— Что?

Вера прочитала вслух: «Семьдесят три». Перевернула картонку, написала ещё что-то.

— А теперь?

— Семь... три.

На второй стороне было «Нет».

Леонид сел на починенный стул. Ему хотелось сказать, что они и не думали, будто их видят. Но вчера он показывал колонке на коробки, а сегодня ещё до завтрака поправил у стола покрывало, чтобы не свисал рваный угол.

Вера убрала картонку.

— Когда я говорю, меня слышно. Когда молчу, можно не угадывать.

Из колонки донеслось:

— Не говоришь.

— Да. Вещи иногда тоже молчат.

Она попросила у Леонида ложку. Он принёс чайную. Вера постучала ею по своему прибору, затем по столу, выждала и снова постучала: два раза быстро, один отдельно.

Колонка ответила тремя неровными щелчками.

— Слышишь стол? — спросила она.

— Слышу.

Вера подержала ложку на ладони и посмотрела на Глеба.

— Можно я её унесу? На минуту.

— Ложка не моя.

— Я про вас обоих. Будете тут тихо?

Вера вышла на кухню. Они слышали, как она постучала ложкой о чашку. Звук был тонкий, ясный. Леонид считал удары, хотя ему этого не поручали. Пять.

Вернувшись, Вера положила ложку на стол.

— Что там было?

— Тихо.

— Мы слышали, — сказал Леонид.

Она кивнула.

— А тут — не знаю. Здесь я стучу по столу, на котором всё это стоит.

В голосе её не было торжества. Леониду впервые стало страшно от того, что она не пытается удивиться посильнее. Смотрит на различие между двумя стуками, которое он сам не заметил бы, и уже придумывает, как спросить ещё.

— Всё-таки оно отвечает? — спросил он.

— Отвечает, — сказала Вера. — Мне. Сейчас.

Она повернулась к колонке.

— Только я пока не понимаю, кто. Ты можешь спросить меня о чём-нибудь?

Глеб поднял голову. До сих пор чужой голос отвечал им или просил остаться. Леонид приготовился снова услышать «не заканчивайте».

Из колонки спросили:

— Что... унесёте?

Вера перестала вертеть ложку.

— Я хочу унести свою запись. Ты это спрашиваешь?

— Меня.

— Нет. Тебя я никуда не уношу.

— Он здесь, — сказал Глеб. — Ящик у Лёни остаётся.

— А если не ящик? — тихо спросила Вера.

Леонид посмотрел на неё. Она обратилась к нему, но не стала понижать голос дальше.

— Я ведь не знаю, где именно ты находишься, — сказала она колонке. — Может быть, мы сейчас всё неверно называем.

Из шуршания выбралось:

— Здесь.

— Хорошо. Здесь. Ты спрашивал, возьму ли я тебя с собой. Я отвечаю: сама не стану.

Глеб отодвинул сумку Веры со стула на пол.

— Сядьте нормально, — сказал он. — Упадёте.

Она подвинулась глубже. Ложка выскользнула у неё из руки, звякнула о край стола и упала под ящик. Все трое нагнулись вслед за ней. Леонид упёрся лбом в плечо брата.

— Нашёл, — сказал Глеб.

— Я тоже вижу.

— Тогда дай достать.

Они выпрямились. Вера прижала ладонь ко рту. Смех не хотел оставаться внутри, хотя ничего смешного ещё секунду назад не происходило. Глеб положил ложку перед ней и неожиданно тоже улыбнулся.

Из колонки донёсся неровный звук, похожий на их короткие выдохи. Вера перестала смеяться первой.

— Это мы сейчас, — сказала она. — Ты повторяешь?

— Да.

— Потому что смешно?

Ответа не было.

— Или просто звук понравился?

— Да.

— На всё согласен, — сказал Глеб.

— Нет.

Он посмотрел на колонку, и улыбка вернулась сама.

* * *

До полудня они всё-таки позавтракали.

Вера хотела оставить запись включённой и на кухне, но сама же выключила: рядом с прибором заговорил чайник, стало невозможно разбирать слова. Леонид вынул из пакета печенье. Глеб достал маленькую жестяную коробку, в которой принёс ключ, положил его обратно и защёлкнул крышку.

— Я потом могу отвезти это к себе, — сказала Вера. — Там стол устойчивее. И люди есть, которые не станут сразу лезть внутрь.

— К себе куда? — спросил Глеб.

Она назвала учебную мастерскую, для которой он делал короба.

— У вас в субботу там музыка через стену.

— По субботам. Сегодня воскресенье.

Глеб посмотрел на часы.

— Мне к трём щиты доделать.

Леонид разломил печенье над тарелкой. Одна половина крошилась, другая оставалась твёрдой.

— Мы же договаривались проверить.

— Проверили. Вера слышала.

— Этого достаточно?

— Для чего?

Ответ Леонид не приготовил. Для сегодняшнего дня — нет. Для того чтобы брат снова пришёл завтра, — да. Он мог уже предложить общий план, распределить звонки, назвать необходимые покупки, и всё это выглядело бы разумно.

Вера допила чай и поставила чашку на блюдце так аккуратно, что стало ясно: она слышит их разговор лучше, чем делает вид.

— Я в понедельник свободна после двух, — сказала она. — Если хотите. До этого мне надо прослушать, что получилось.

— Я сам посижу, — произнёс Леонид.

— При тебе одном он молчал, — напомнил Глеб.

— Может, теперь с Верой будет иначе.

— Может. Только я тебе не смену сдаю.

Вера встала и отнесла свою чашку к мойке. Кран у Леонида был на месте; вода ударила по фарфору слишком сильно, обрызгала ей руку. Она убавила напор.

— Я бы сегодня больше ничего не меняла, — сказала она. — Я и так не успеваю понять, что увидела. Я пришла услышать запись вживую, а он спросил, не унесут ли его. Мне на сегодня хватит.

Леонид взял вторую половину печенья. Оно наконец сломалось, рассыпавшись по пальцам.

Глеб помог ему отнести чашки. Заодно вытер воду возле мойки, повесил полотенце и заглянул в комнату.

— Мы сейчас уйдём, — сказал он колонке. — Сегодня больше не обещаю.

— Тихо.

— Наверное.

Глеб подождал. Леонид стоял возле кухонной двери с полотенцем, которое брат только что повесил: снял, собираясь вытереть руки, и забыл зачем.

— Ты от меня чего хочешь? — спросил Глеб.

Вера осталась в кухне.

— Потом... — Голос сорвался, вернулся ниже. — Опять.

— Прийти опять?

— Да.

Глеб посмотрел на Леонида.

— Завтра после работы. Ненадолго.

— Хорошо, — ответил Леонид.

Брат не стал напоминать, что обещание было дано другому. В прихожей он надел куртку, вынул ключи и позвонил Антонине: сказал, что закончил, будет в мастерской через некоторое время. Вера дождалась его у открытой двери.

— Запись я вам обоим пришлю, — сказала она Леониду. — И не разбирайте пока. Я серьёзно.

— Даже выключенное?

— Даже выключенное. Если мы потеряем то, что сейчас есть, от двух аккуратных отвёрток легче не станет.

Глеб сказал, что слышал, и повёл её к лестнице. Леонид закрыл дверь.

На столе осталась картонка из пакета. С одной стороны — цифры, с другой — крупное «Нет». Он поставил её у колонки, потом убрал в ящик стола. Показать было некому; если понадобится, придётся прочитать вслух.

Леонид сел на починенный стул и прислушался.

Шуршание не изменилось.

— Я сам тоже сегодня больше не знаю, — сказал он.

Он не ждал ответа. Всё равно просидел дольше, чем собирался.

Глава 5. Имя для ответа

В понедельник Глеб испортил чужую стену.

Точнее, не стену, а щит с нарисованным окном. На сцене его собирались поставить далеко от зрителя, поэтому настоящей рамы не требовалось: четыре тонкие рейки, тёмная полоса под подоконником, несколько светлых мазков на стекле. Глеб повесил щит для проверки, отступил и увидел, что окно уехало вбок. Разметку делал он сам. Заказчице уже отправил фотографию, на которой ошибка была отлично видна.

— Римма позвонила, — сказала Антонина от своего стола. — Просит ещё два дня.

— Мне тоже нужны.

— Ей на оплату.

Глеб поставил щит лицом к стене. На полу осталась белая полоска пыли.

— А нам что делать?

— Спросила. Говорит, Надя не подписала заказ. Без неё деньги не пропускают.

— У них теперь на каждый рукав две подписи?

Антонина положила ножницы на ткань.

— Не на рукав. На общий заказ. Римма принимает, Надя считает.

Ткань была густого зелёного цвета. Тоня пробовала на ней два ряда стежков; один уже распорол, второй собиралась показать. По договорённости она должна была только сшить несколько костюмов, но теперь заказчицы по очереди рассказывали ей, кто из них на самом деле придумал весь спектакль. Глеб видел, как жена ставит телефон подальше, включает громкую связь и продолжает работу, пока ей объясняют чужую неблагодарность.

Он подошёл к щиту и снова повернул к себе. Окно было на месте. Не там, где должно, но существовало уже так убедительно, что хотелось передвинуть весь остальной рисунок.

— Сколько ты сегодня у Лёни будешь? — спросила Тоня.

— Не знаю. Обещал ненадолго.

— До ужина?

— Постараюсь.

Она сняла очки.

— Глеб, я не против, что ты ходишь. Я хочу знать, мне тебя ждать с едой или съесть самой. Пока это весь вопрос.

Он посмотрел на неё и кивнул.

— Ешь. Если останется, разогрею.

Тоня снова надела очки. Срезала длинную нитку, вытащила её из ушка иглы.

— А у него что-нибудь новое?

Глебу до сих пор не удавалось рассказать жене, как именно они разговаривали с голосом. Получалось или невероятное, или глупое. Когда он говорил о первом «не заканчивайте», Антонина спрашивала, чего не заканчивать; когда о том, что голос не видел картонку, она хотела знать, кто предположил, что должен видеть. На оба вопроса приходилось отвечать: не знают. Вчера она дослушала запись Веры, села рядом с ним и некоторое время держала его за руку. Это оказалось легче пересказа.

— Кудрина прислала кусок, где он смеётся, — сказал Глеб. — Вернее, повторяет, как мы.

— Ты смеялся?

— Ложку уронили.

Антонина посмотрела на него поверх очков.

— Надо же. Дожили.

Глеб помолчал. Ему захотелось рассказать, как брат ударился лбом о его плечо, но это уже было слишком похоже на историю о хорошем дне.

Он взял линейку, перемерил щит и понял, что проще закрыть окно куском ткани. В спектакле всё равно понадобится занавеска. Надо было только сказать заказчице правду, пока та не приняла его ошибку за намерение.

Глеб сфотографировал щит ещё раз и записал сообщение. На этот раз назвал, что сделал неверно, и предложил два способа переделать. Отправив, отложил телефон экраном вниз.

Тоня машинально потянулась к нему, чтобы сдвинуть со своей ткани.

— Возьми только не за это, — сказал он слишком резко.

Она убрала руку.

— Что там?

На экране ничего не было. Обыкновенный телефон, в котором лежала запись голоса. Жена могла коснуться стекла, перевернуть, открыть любое приложение — никого бы от этого не унесло.

— Извини, — произнёс Глеб.

Он сам поднял телефон и положил на подоконник.

* * *

У Леонида Вера уже сидела на полу возле стола. Перед ней лежал лист с двумя столбцами. В одном было написано «Было», в другом — «Мы решили».

— Пока ты шёл, я решила, что Леонид слишком быстро пишет, — сказала она Глебу. — Теперь он сердится.

— Я не сержусь.

— Видишь?

Леонид встал со стула и подвинул его брату. Глеб сел на край.

— Вы без меня пробовали?

— Пробовали, — ответила Вера. — Не отвечал. Я стучала тут же. И включала вчерашний разговор. Шуршало, иногда щёлкало. На вопросы не ответил.

Из колонки сказали:

— Глеб.

Он вздрогнул, хотя ждал именно этого.

— Да.

— Пришёл.

— Пришёл. У тебя как?

Вера посмотрела на него. Глеб не понял, что особенного спросил.

Голос ответил после паузы:

— Не знаю.

— У меня тоже, — сказал Глеб.

Леонид улыбнулся, но отвернулся к листу, словно улыбка предназначалась только ему самому.

Вера попросила обоих послушать запись. Вчерашнее шуршание, их голоса, удар ложки. Потом на записи прозвучало «Нет».

Колонка повторила:

— Нет.

Глеб прижал ладонь к колену. В первый раз они услышали повтор уже записанного ответа. Второе «нет» прозвучало ниже первого; от этого хотелось найти в нём новый смысл.

Вера остановила воспроизведение.

— Это ты сейчас сказал или ещё прибор повторяет?

— Я.

— Что мы там спрашивали?

— Согласен.

Леонид наклонился к столу.

— Ты помнишь вчерашнее?

— Вчера, — произнёс голос. — Тихо.

Вера снова подняла лист. В «Мы решили» Леонид уже написал «помнит» и теперь зачеркнул слово. Глебу стало неприятно за брата, как будто тот ответил неправильно на занятии.

— Ты нас хотел поправить? — спросил он колонку. — Когда сказал «нет».

— Да.

— Кого?

— Тебя.

— За что?

Из колонки слышались четыре коротких смешка. Именно столько было на записи: Глеб и Вера, один за другим, и выдох Леонида в конце.

Глеб сам засмеялся. Потом замолчал.

— Вот гад, — сказал он негромко.

— Не начинай, — произнёс Леонид и тут же осёкся.

Вера смотрела в лист, не записывая. Глеб подумал, что сейчас это было несправедливо: ей хотелось первой получить такой ответ. Он успел узнать это желание по собственному удовольствию.

— Нам надо как-то тебя звать, — сказал Леонид.

В колонке щёлкнуло.

— Я.

— Да, только когда я говорю «я», это уже я. Нам неудобно.

— Вам, — ответил голос.

Леонид открыл рот, потом закрыл. Вера прислонилась к стене и наконец улыбнулась.

Глеб хотел предложить обычное имя. Не своё, не отцовское, какое-нибудь ничьё. Потом представил, как мать спрашивает по телефону про незнакомого Сашу у Лёни, и решил промолчать.

Вера провела пальцем по тёмному краю стола. Там Леонид вчера задел покрывало, сдвинул ящик, и из старой столешницы выломился маленький кусочек шпона. Глеб заметил его ещё накануне. Такую вещь можно было приклеить, пока не потерялась.

— Не трогайте, — сказал он. — Скол дальше пойдёт.

— Что?

— Под рукой. На столе.

Вера убрала палец.

Голос произнёс:

— Скол.

Глеб посмотрел на колонку.

— Это у стола.

— Скол.

Леонид медленно сел.

— Хочешь, чтобы тебя так звали?

— Да.

Вера положила ладонь на лист, закрыв оба столбца.

— Можно другое выбрать, — сказала она. — Ты ещё мало слов слышал. Если потом захочешь, скажи.

— Вы... много?

— Слов? Много.

— Вера. Глеб. Леонид.

— Это имена.

— Скол.

Глеб с удивлением почувствовал, что согласился раньше, чем кивнул. Вещь, которую вчера можно было назвать явлением, только что нашла для себя короткий звук. Он не подходил ни к чему человеческому, зато теперь можно было позвать.

— Ну, здравствуй, Скол, — сказал Леонид.

Из колонки слышалось:

— Здесь.

* * *

В шесть Глебу позвонила заказчица.

Он вышел в кухню, объяснил про окно, выслушал, что его фотографию уже показали художнику, и пообещал приехать завтра после переезда матери. Разговор занял меньше трёх минут. Вернувшись, он застал Леонида в середине фразы.

— ...можем хотя бы в карты.

Вера сидела за столом напротив брата. Между ними лежала старая колода.

— Во что? — спросил Глеб.

— Я подумал: если мы будем соперничать по правилам, может, не придётся говорить обо всём остальном.

Глеб остановился возле стула.

Леонид поднял глаза.

— Я не предлагаю забыть. Только попробовать.

— Хорошо.

Слово вышло неожиданно легко. Глебу хотелось узнать, сможет ли Скол существовать, пока они заняты чем-то, на что он сам согласен. Если такая возможность была, глупо отказываться только потому, что её предложил брат.

Вера уступила место. Объяснила Сколу: каждый получает карты, не знает чужих и старается избавиться от своих раньше другого. Он спросил, что такое «избавиться». Пока она подбирала ответ, Глеб раздал.

Играть с Леонидом оказалось трудно. Не из-за старой злости — тот совершенно забыл, как играют. Долго смотрел на маленькие картонные прямоугольники, откладывал в сторону неверную масть и дважды спросил, можно ли ещё ходить. Глеб показывал пальцем. От этого становилось смешно и жалко их обоих, взрослых людей, нашедших третьего, ради которого наконец можно было заняться пустяком.

Скол отвечал на вопросы, пока Глеб читал ему вслух, что делает. Потом голос начал запаздывать. На середине второй партии вместо ответа протянулось неровное «Лео...» и рассыпалось в шорох.

Глеб положил карты на стол.

— Ты здесь?

Щёлкнуло.

— Скол?

Вера подняла свой прибор. Не нажала ничего, только посмотрела на индикатор.

— Он был слышен, — сказала она. — При игре. Это уже есть.

Леонид держал в руке две карты.

— Может, другой игры не знает. Я всё время спрашивал.

— Может, — ответил Глеб. — Пока так.

Они посидели. Голос не возвращался.

Леонид осторожно положил карты на колоду.

— Завтра к маме к восьми? — спросил он.

— К половине восьмого. Надо холодильник ещё освободить.

— Там нечего освобождать.

— Ей надо. И продукты надо куда-то деть. У тебя машина будет?

— Будет. Я всё заберу.

Глеб посмотрел на него.

— Мать заберёт. Ты отвезёшь.

— Глеб, я в состоянии понять, что это её продукты.

В колонке резко треснуло.

Оба замолчали. Вера не подняла прибор.

— Мне не нравится, — сказал Глеб.

— Что?

— Что я сейчас начну выбирать, как на тебя сердиться. Чтобы ему было лучше.

Леонид опустил глаза.

Глеб встал, взял куртку и обернулся к столу.

— Скол, я не знаю, что тебе надо. Сегодня всё.

Голос с трудом произнёс:

— Опять.

— Да. Только завтра у матери переезд. Обещать вечер не буду.

Он вышел прежде, чем успел передумать. В лифте открыл телефон, написал Антонине: «Сейчас выйду. Есть хочу». Она прислала фотографию накрытой тарелки, а следом — его криво нарисованного окна. Заказчица согласилась на занавеску.

Глеб смотрел на снимок до самого первого этажа. У него получилось исправить сегодня хотя бы одну вещь.

Глава 6. Материнский адрес

Холодильник оказался последним тяжёлым предметом, который не пролезал в собственную дверь.

Зоя Павловна стояла у окна новой квартиры и держала стеклянную полку. В старой она вынимала её, чтобы помыть, раз в несколько месяцев; сейчас не отдавала никому. Глеб принёс два одеяла, грузчики положили одно на пол, другое на порог. Леонид снял куртку и полез помогать, но человек у нижнего края только качнул головой:

— Сзади подстрахуйте. Здесь хватает.

Леонид отошёл. Глеб придержал открытую дверь. Холодильник повернули, приподняли и наконец внесли в кухню. От резиновой ножки на одеяле осталась длинная тёмная полоса.

— К той стене, — сказала мать.

— Здесь розетка ближе, — возразил Леонид.

— Я знаю, где здесь розетка.

Он показал грузчикам на выбранное ею место. Один присел, убрал из-под ножки загнутый край картона. Глеб поднял одеяло и понёс его вытряхивать в подъезд.

В новой квартире было слышно всё, что происходило у соседей сверху: шаги, переставленный стул, короткий детский смех. Леонид мысленно подбирал матери доводы в пользу хороших новых окон и тут заметил, что она улыбается.

— Дети, — сказала Зоя Павловна. — Клавдия говорила, девочка маленькая. Три года.

Она поставила полку на стол, опёрла ладонью и огляделась.

— Мой чайник где?

Леонид принёс коробку с посудой. Мать посмотрела на надпись, проверила нижний угол и велела вернуть: там были праздничные чашки. Чайник должен был лежать в коробке, которую она пометила крестом. Крестов на трёх коробках оказалось четыре, а на нужной — ни одного. Зоя Павловна сказала, что это она потом передумала, и Леонид удержался от предложения сразу всё подписать заново.

Грузчики уехали. Внизу ещё некоторое время было слышно, как водитель закрывает борт. Потом в кухню вернулся Глеб и сел на подоконник.

— Не сиди там, — сказала мать. — Я помыла.

Он спрыгнул так быстро, будто ему всё ещё было двенадцать.

Зоя Павловна ополоснула чайник, поставила на стол рядом с розеткой, но включать сразу не стала. Потянула нижний ящик, проверила, свободно ли движется, потом открыла коробку с формами для пирогов.

Леонид чувствовал себя лишним. Самая трудная работа закончилась, матери требовалось несколько часов на то, чтобы сложить вещи по-своему. Он мог разложить быстрее, только потом ей пришлось бы всё искать.

— Я поеду? — спросил он.

— Сейчас поешьте. У меня в сумке бутерброды. И договоритесь про старые ключи: один вам на двоих до пятницы нужен, там лампа ещё осталась.

Глеб открыл рот. Мать посмотрела на него.

— Я свою лампу оставила. Не вашу говорящую. Эту не надо ко мне.

Леонид сел на коробку, которую сам клеивал вчера. Под ним негромко хрустнул картон. Он приподнялся, вспомнил, что внутри полотенца, и снова сел.

— А ты не хочешь узнать, что там? — спросил он.

Зоя Павловна достала из сумки свёрток.

— Хочу. Только вы ещё не знаете.

— Имя у него теперь есть.

— Какое?

— Скол.

Мать повторила без выражения, словно пробовала, не трудно ли произнести.

— Сам выбрал, — добавил Глеб.

— Хорошо. С собой есть не просит?

— Нет.

— Тогда хлеб неси сюда.

* * *

За бутербродами Леониду позвонили по работе. Он сбросил вызов, написал, что перезвонит, и положил телефон рядом с тарелкой. Глеб съел первый бутерброд, второй завернул обратно в бумагу.

Мать спросила, зачем прячет: поесть надо сейчас. Он объяснил, что возьмёт Тоне, та с утра не успела позавтракать. Мать сказала, что тогда мало, и достала ещё два.

— Она тебя вчера ждала? — спросил Леонид.

— Ждала.

— Передай спасибо. За булочки тоже.

Глеб кивнул. У него на запястье была светлая полоска от ремешка, хотя часов Леонид не заметил. Когда-то он подарил брату часы на день рождения и через неделю обиделся, увидев их в ящике. Глебу мешало работать; Леонид решил, что подарок недостаточно хорош. Объясняться тогда оба тоже не стали, только это ещё не считалось разрывом.

Зоя Павловна поднялась за полотенцем. Открыла пакет с проводами, обнаружила в нём чужой удлинитель и понесла в комнату. Леонид дождался, пока шаги стихнут.

— Глеб, я вчера не для него придумал карты.

Брат посмотрел на него.

— А для кого?

— Хотел, чтобы нам стало проще.

— Мне было проще. Пока ты не начал решать за мать, что забирать.

— Я не решал.

Глеб стал поправлять край бумаги на бутерброде.

Леонид наклонился и сам отодвинул тарелку, чтобы не задеть локтем. В комнате мать передвигала пустые коробки. Можно было встать, помочь, уехать и оставить разговор на другой день. Он уже чувствовал удобство этого движения.

— Мне всегда кажется, что если я знаю, как быстрее, то имею право начать, — сказал он. — Иногда получается хорошо.

— Знаю.

— А тогда я знал, что верну за неделю.

Глеб перестал двигать бумагу.

Леонид вдруг увидел стол в прежней мастерской, стопку подписанных конвертов и тетрадь, в которой Глеб отдельно записывал расходы на каждый заказ. Деньги лежали вместе, потому что они собирались покупать материал сразу для нескольких работ. Леонид вынул из стопки сто девяносто тысяч. Именно эта сумма потом много лет существовала в его мыслях без лиц: долг, который можно вернуть, увеличить, перевести на карту.

— У меня в тот вечер музыканты сидели в зале, — сказал он. — Заказчик отменил. Я уже пообещал им оплату. И залу. Думал, с другого мероприятия придёт аванс, я переложу обратно, ты не заметишь.

Глеб поднял глаза.

— Я помню, что ты говорил.

— Я тебе говорил, что деньги задержали. А не что взял их без спроса.

— Я и это помню.

За стеной мать открыла окно. Послышался негромкий удар ручки об откос, затем она что-то сказала сама себе. Леонид не разобрал слов.

— Я не хотел выглядеть человеком, который не платит, — произнёс он. — Перед ними. А перед тобой можно было неделю побыть. Ты же свой.

Глеб медленно выдохнул. Леонид смотрел на край стола. Дерево здесь было новое, светлое; мать выбрала стол сама, по высоте, и теперь ни одной старой отметины на нём нельзя было использовать вместо ответа.

— Ты мне позвонил через три дня, — сказал Глеб. — Я уже заказал фанеру, заплатил людям, которые должны были привезти. Не из тех денег. Другие, которых почти не было. Ты сказал: неделю подожди. Я спросил: с какого дня неделю? Ты засмеялся.

Леонид не помнил, что смеялся.

Он хотел это сказать, но удержался. Брат не просил его подтвердить собственный слух.

— Я тогда думал, ты просто преувеличиваешь, чтобы я быстрее нашёл, — сказал он.

— Я нашёл. Первое время сам. У Тони, у её матери, у человека, который нам фурнитуру давал. Потом ты нашёл свои.

— Через два месяца.

— Деньги — через два месяца. А до меня ты так и не добрался.

Леонид наконец поднял лицо.

Глеб сидел спокойно. Ни разу не повысил голоса, не сдвинул со стола ничего лишнего. При таком выражении лица у незнакомого собеседника Леонид обычно предлагал перерыв. Он с ужасом понял, что сейчас тоже приготовил этот приём.

— Я пришёл в мастерскую, — сказал он.

— В твой удобный час. Когда у меня там были люди. Сказал: «Ну всё, теперь можно закрыть». Я тебя слышу до сих пор.

Леонид прижал ладонью телефон, который снова завибрировал. Звук оборвался.

— Так сказал?

— Так.

Он не мог восстановить вечер целиком. Помнил, что нёс конверт, что у ворот стоял фургон, что Глеб даже не пересчитал. Помнил собственное унижение, когда через несколько дней перевод вернулся, и много раз рассказывал себе именно этот кусок. Всё до него выглядело подготовкой к тому, как брат не дал исправиться.

— Я не буду сейчас просить ещё раз взять, — произнёс он.

— Я и не возьму.

Мать вошла с удлинителем в руке. Остановилась у двери, посмотрела на сыновей.

Леонид убрал телефон подальше. Глеб поднял завёрнутые бутерброды.

— Это чей? — спросила Зоя Павловна.

— Мой, — ответил Леонид.

— Тогда заberi. У меня есть.

Она положила удлинитель возле его локтя и села. Налила обоим чай. Чайник наконец оказался в розетке; Леонид даже не заметил, когда она успела его включить.

— Я этот стол не клеёнкой закрою, — сказала мать. — Мне надоело. Пусть царапается.

Глеб провёл ногтем по сучку, похожему на маленький глаз.

— Тогда под горячее ставь что-нибудь.

— Вот под горячее буду.

Они допили чай втроём.

* * *

В старую квартиру Леонид вернулся один.

Лампа стояла на полу посреди комнаты. Без кресла и шкафа казалась слишком маленькой, будто принадлежала другой мебели. Возле стены осталась пустая коробка, которую мать приготовила для него ещё в субботу. Он поднял её, обнаружил под дном полоску бумаги и вытащил старую закладку. На ней мать записала, сколько петель надо набрать для чьего-то рукава.

Глеб поехал на работу. Они договорились встретиться у Леонида в четверг; завтра брат хотел отдать щиты и провести вечер дома. Вера знала. Сколу этого ещё не сказали, и Леониду хотелось немедленно ехать обратно, чтобы назвать день вслух, даже если ответа не будет.

Он обошёл пустую квартиру, закрыл окно, проверил воду. На кухонном подоконнике остался прямоугольник пыли от горшка Клавдии. Леонид намочил бумажное полотенце, вытер, потом остановился: новые жильцы всё равно собирались переделывать кухню. Взял лампу и свою коробку.

На лестнице ему пришлось поставить лампу на пол, чтобы запереть дверь. Он повернул ключ, проверил ручку. Через три дня этот ключ надо было отдать. До тех пор в кармане лежала вещь, с которой нельзя было сделать уже ничего полезного.

Дома Скол молчал. Леонид рассказал ему про холодильник, про материнский стол и что Глеб придёт в четверг. Назвал день ещё раз — не «потом», не «скоро».

— Сегодня вторник, — сказал он. — Завтра среда. Послезавтра четверг.

Из колонки донёсся короткий щелчок.

Леонид подождал, затем пошёл ставить лампу у окна. Мать попросила оставить её пока у него: в новой квартире не нашлось места, а отдавать она не хотела. Он поставил рядом починенный стул, включил свет и впервые сел там с книгой, которой прижимал провод.

Через полчаса позвонила мать.

— Ты чайник не забрал случайно? — спросила она.

Леонид засмеялся.

— Мам, ты же нас из него поила.

— Я знаю. Он у меня в шкаф влез. Я закрыла и не вижу.

Потом она попросила не приезжать завтра: сама хочет закончить. Он пообещал и на этот раз не стал предлагать помощь ещё раз.

Глава 7. На другом конце

В четверг Скол обиделся.

По крайней мере, Леонид сперва назвал это так. Брат только вошёл, поставил сумку под стол, а из колонки сразу произнесли:

— Два.

— Два чего? — спросил Леонид.

— Дня.

Глеб выпрямился.

— Я сказал, что приду сегодня.

— Не сказал.

Леонид почувствовал, как сжимается живот. Он подробно объяснял Сколу дни, даже повторил дважды. Хотелось немедленно напомнить, что всё было сказано вслух, повторить весь разговор ещё раз. Сам он слышал каждое слово.

— Я сказал, — начал он. — Во вторник, когда приехал от матери. Ты не ответил.

Вера, стоявшая у двери, посмотрела на него и сняла с плеча сумку.

— А если он тогда не слышал?

Леонид сел. Никто не обещал ему, что молчащий слушает. Он просто решил, что молчание должно оставлять ему возможность сказать всё необходимое.

— Ты слышал про вторник? — спросил он. — Про четверг?

— Нет.

Глеб помолчал, потом подошёл к столу.

— Мы тут больше двух суток не были вместе. Я был у матери, на работе, дома. Лёня был у матери, потом у себя. Здесь мы не говорили. Ты всё это время что делал?

Ответ появлялся частями:

— Был... не... ещё.

Скол повторил, всё медленнее, будто сам не мог отыскать звук. Леонид не стал помогать. Глеб тоже ждал. Наконец из треска вышло:

— Когда.

Вера поставила свою сумку на пол, но так и не раскрыла.

— Ты ждал, когда?

— Да.

— И больше ничего не было?

— Когда.

Глеб сел рядом с братом. Леонид чувствовал его локоть через рукав и старался не двигаться. Первой мыслью было остаться сегодня подольше. Второй — что, если они сейчас просидят до ночи, через сутки Скол снова скажет «когда», и любое человеческое занятие придётся оправдывать перед ним заново.

Вера открыла сумку.

— Я принесла ещё один слух, — произнесла она.

Скол ответил не сразу:

— Третий?

— Если считать мой — да.

Она вынула маленькую круглую пластинку на проводе. Закрепила её под краем столешницы, второй конец соединила с записывающим прибором. Объяснила братьям, что теперь хочет слушать сам стол. Ничего из старого блока при этом не вынимала. Леонид смотрел, как она осторожно проводит кабель мимо ножики, и вдруг понял, что ему жаль стол: за неделю он стал слишком нужной вещью, чтобы просто поест за ним.

Вера включила наушники. Тронула ногтем столешницу, поморщилась и уменьшила громкость.

— Кто там? — спросил Скол.

Она сняла одно ухо.

— Я. Слушаю снизу.

— Зачем?

— Хочу понять, откуда ты слышишь.

— Отсюда.

Вера кивнула с такой покорностью, что Глеб улыбнулся.

— Вот и весь твой прибор.

— Сейчас скажешь ещё, что я зря покупала.

Она вернула наушник на место. Некоторое время никто не говорил. Скол шуршал, делал длинные паузы и однажды произнёс своё имя, словно проверял, что оно ещё с ним.

Вера наконец сняла наушники.

— Я слышу, как Глеб ногой двигает. И когда вы говорите близко. С кухни Леонида почти не слышно. Совсем иначе, чем ушами.

— Значит, он снизу? — спросил Глеб.

— Значит, снизу можно кое-что услышать.

Леонид вспомнил, сколько раз за эти дни думал разобрать блок. Казалось, там найдётся хотя бы место, куда можно показать. Непонятное отверстие, чужая деталь, сгоревший провод. Вера слушала поверхность, которую они только что собирались клеить, и от этого комната стала больше.

* * *

В половине восьмого Антонина попросила Глеба приехать.

Один из зелёных костюмов не проходил в узком месте между декорациями: широкий рукав цеплялся за выступ, актёр уже дважды рванул ткань. Переделывать рукав Тоня отказалась. Щиты делал Глеб, и ей хотелось, чтобы он сам посмотрел на сцене, где можно убрать выступ. После вчерашней сдачи работа казалась законченной только ему.

— Еду, — сказал он.

Леонид поднялся следом.

— Я могу отвезти.

— Мне две остановки.

— И ящик потом надо будет отвозить. К Вере. Если вы решили.

— Лёня, я сейчас про рукав.

Брат остановился у стола. Скол некоторое время молчал, потом спросил:

— Опять два?

Глеб положил телефон на край ящика.

— Давай я оттуда позвоню. Ей надо убрать выступ, это быстро. Если ты так слышишь, можем поговорить. Всё равно сегодня обещали.

Он обращался к Леониду. Скол ответил первым:

— Давай.

Глеб забрал телефон. Леонид проводил брата, принёс с кухни воду и сел ждать. Вера заняла его место на полу, перебирала записи. Раз в несколько минут она тихо называла Скола. Ответов не было.

Звонок пришёл через двадцать минут. За голосом Глеба слышался чужой смех и глухой удар, как будто на сцене двигали стену.

— Тут можно снять угол. Я Тоне сказал.

— Снимай, — ответил Леонид. — С нами согласовывать не надо.

— Я не согласовываю. Я спросить хотел, ты в пятницу матери ключ отвезёшь или мне забрать?

Леонид включил громкую связь и поставил телефон на стол рядом с блоком.

— Я отвезу. Он у меня.

— А лампа?

— Тоже у меня.

— Клавдия написала, что мать её ищет.

Леонид замолчал. Мать сама просила пока оставить лампу. Он представил, как сейчас начнёт доказывать Глебу это просьбой, которую тот не слышал, а брат ответит, что давно можно было перезвонить матери.

— Я спрошу у неё, — сказал он.

Из колонки произнесли:

— Здесь.

Вера подняла голову.

Глеб в телефоне замолчал. Потом раздалось:

— Это он?

— Он, — ответил Леонид.

— Скол, я тут не рядом. Слышишь?

— Рядом.

Леонид почувствовал такую радость, что чуть не рассмеялся. Он даже поднялся, как перед хорошей новостью, которую следует немедленно куда-то нести.

Вера показала на стул. Он сел обратно.

— Можно я спрошу о том, чего ты сам не знаешь? — произнесла она Глебу.

— Можно.

Вера достала из сумки с проводами жестяную крышку, положила её на стол и провела ногтем по ребру: коротко, длинно, два коротких. В телефоне кто-то спросил у Глеба, не мешает ли занавеска; тот сказал подождать.

— Скол, повтори, — попросила Вера.

Из колонки донеслись четыре звука, разделённые теми же паузами.

На другом конце Глеб негромко выдохнул.

— Здесь Тоня тоже слышит, — сказал он. — Я на громкую поставил.

— Кто Тоня? — спросил Скол.

Антонина представилась сама. Голос у неё был уставший, но ясный. Сказала, что рада наконец познакомиться. Скол ответил её же словом «рада», потом поправился на «рад» вслед за Глебом. Спросил, что значит. Пока ему объясняли, Леонид смотрел на маленький телефон, в котором умещалась семья брата. Впервые за неделю Глеб мог уйти и не унести с собой чужой голос.

— Мне надо доделать, — сказал он наконец. — Я положу рядом, ладно?

— Давай, — произнёс Леонид.

Вера протянула Леониду руку. Он сжал поданную ладонь, радуясь тому, что можно сейчас сделать хоть что-нибудь простое. Вера засмеялась, ответила на пожатие и потянулась за записывающим прибором.

Скол спросил:

— Лёня, рукав — это где?

* * *

Глеб работал на другом конце, а Скол учился слушать работу.

Из телефона доносилось трение наждачной бумаги, скрип сдвигаемого щита, слова Антонины. Она просила актёра ещё раз пройти боком и на этот раз не прижимать локоть заранее: иначе они не поймут, убрали ли то, что цеплялось. Скол переспросил, кто идёт. Ему ответили. Через минуту он спросил снова, и Глеб повторил спокойнее, чем Леонид ожидал.

Вера открепила датчик от стола, унесла на кухню вместе с записывающим прибором — сравнить звук на другой столешнице — и вернулась почти сразу. Ничего нового там не разобрала. Леонид ждал, что она расстроится. Вера только рассмеялась:

— Мне сегодня хватило телефона. Если ещё и чайник заговорит, я домой не попаду.

Скол повторил «чайник», пробуя согласные.

Через полчаса костюм наконец прошёл мимо выступа без помощи. Антонина поблагодарила мужа, потом попросила забрать обрезки, чтобы утром не приняли за мусор то, что им ещё понадобится. Из телефона слышалось:

— Это всё, Глеб. Можно ехать.

Связь закончилась. Леонид взял телефон, но не убрал со стола. Они с Верой ждали, не желая сами первыми назвать результат.

Скол произнёс:

— Можно ехать.

Вера медленно опустилась на стул.

— Да. Они уехали.

— Рукав — это где?

Леонид взялся за собственный рукав, потом рассмеялся и отпустил.

— Сейчас попробую объяснить.

Он говорил ещё несколько минут. От плеча до кисти, ткань, одежда, узкое место между стенами. Скол попросил повторить «плечо». Вера достала из сумки шарф и провела им по столу. Скол услышал шорох, но не понял, почему это помогает. Тогда они перестали показывать.

Голос слабел постепенно. Последним вопросом было, зачем человеку та часть ткани, в которой нет руки. Леонид объяснил про свободный крой и не получил ответа. Он ещё дважды назвал имя, потом замолчал.

Вера посмотрела на часы.

— Восемь минут, — сказала она. — После конца связи.

Леонид держал в пальцах край рубашки. Материя вдруг показалась чрезвычайно сложной вещью для объяснения. Он отпустил.

— Завтра так же попробуем?

— Сначала спросим Глеба. И Скола. Я хочу забрать всё к себе на выходных. Там сможем развести провода, поставить ещё один стол. И ты хоть поужинаешь нормально.

Он посмотрел на заставленный стол. В коробке с печеньем лежали теперь переходники Веры. Починенный стул был придвинут к ящику; лампа матери светила на две пустые чашки.

Леонид позвонил матери сразу, пока Вера собиралась. Зоя Павловна удивилась: лампу она не искала. Просила Клавдию спросить про лампочку к новой, не про старую лампу. Потом спросила, ел ли он сегодня. Леонид честно ответил, что ел утром.

— Так иди поешь, — сказала она. — Я тут картошку сварила.

Вера застегнула сумку и показала ему большой палец. Он рассмеялся, согласился и пошёл искать куртку. Впервые за неделю уход из квартиры казался ему хорошей новостью.

Глава 8. Общий вход

На двери мастерской висела надпись «Не мешать до четырёх». Под ней другим почерком приписали: «Кому?»

Глеб поставил свой конец ящика на пол. Леонид удержал второй у колена. Вера, опередившая их с колонкой, пыталась достать ключ, не выпуская коробки из рук.

— Отдайте мне, — сказала Антонина.

Она сняла коробку с Вериной ладони. Вера выдохнула, вытащила ключи и долго выбирала нужный. Леонид стоял, наклонившись к тяжёлому концу ящика, и впервые увидел жену брата совсем близко.

Они встречались в общей компании, ещё до свадьбы. Антонина тогда носила волосы собранными высоко, смеялась, откидывая голову. Теперь стриглась коротко; на пальце осталось тонкое серебряное кольцо, которое он помнил по фотографиям, показанным матерью. Она не стала обнимать его и не сделала вид, что они знакомятся впервые.

— Привет, Лёня, — сказала она. — Ты вниз ставь, пока ждём. Она сейчас ещё не тем ключом попробует.

— Уже тем, — ответила Вера, открывая дверь.

Внутри было прохладно. Половину комнаты занимали деревянные короба Глеба; в одном лежали поролоновые вставки, другой использовали под бумагу. На стене висела схема человеческого уха с отогнувшимся нижним краем. От окна к двери шла светлая полоса нового покрытия: здесь недавно убрали перегородку, а пол целиком менять не стали.

Ящик поставили на широкий низкий стол. Леонид распрямил спину, повёл плечами. Глеб уже осматривал ножки. Тоня внесла колонку и остановилась у окна, держа её обеими руками.

— Где?

Вера показала место.

Всё подключили почти так же, как дома. Отличались длина удлинителя и серый мат под блоком: Вера хотела отделить звук стола от звука пола. На всякий случай старое покрывало принесли тоже. Леонид положил его на свободный короб, а Глеб развернул схему на обороте афиши и пригладил ладонью.

Скол заговорил раньше, чем Вера успела включить запись:

— Тоня.

Антонина повернулась.

— Да. Я тоже здесь.

— Опять рукав?

Она посмотрела на мужа. Тот пожал плечами и улыбнулся.

— Сегодня нет, — сказала она. — Сегодня тебя везли.

— Я слышал.

Леонид перестал распрямлять провод.

— Когда везли?

Пауза.

— Не слышал, — поправился Скол. — Сейчас.

Антонина села первой. Поставила сумку на колени, убрала с рукава прилипшую зелёную нитку.

— Ты можешь ошибаться, — сказала она. — Я тоже иногда отвечаю, пока не поняла вопрос.

— Я тоже, — немедленно произнёс Леонид.

Глеб кашлянул. Скол повторил этот кашель слишком точно, с коротким вторым толчком. Тоня засмеялась. Вера, наклонившаяся к своему прибору, выпрямилась и попросила повторить ещё раз.

Скол молчал.

— Не захотел, — сказал Глеб.

— Я поняла, — ответила Вера. — Обидно просто.

* * *

Ангелина Рябова пришла с двумя чашками.

Леонид видел её раньше на общем обсуждении городских дворов: женщина, которая могла заставить людей принести стулья ещё до того, как они решили, будут ли участвовать. Она управляла общественным центром, где Вера вела занятия и снимала звук для своих работ. Теперь Ангелина поставила чашки на дальний короб, оглядела ящик и сказала:

— Значит, без моего стола не обошлось.

— Он у нас и до этого был, — ответила Вера.

— Я помню. Хочу получить благодарность.

— Спасибо за стол.

— Пожалуйста. Что он говорит?

Из колонки донеслось:

— Он.

Ангелина медленно повернулась к ней. Леонид видел, как готовая улыбка сошла с её лица. Чашек было две, она ещё держала одну за ручку и всё никак не ставила окончательно.

— Это сейчас было?

— Сейчас, — сказала Вера. — Я тебе говорила, что он может ответить.

— Ты прислала кусок звука.

Ангелина опустила чашку, села на свободный стул и расправила край длинного жилета. Попросила разрешения назвать своё имя. Скол сказал, что не надо.

Она подняла брови.

— Не хочешь?

— Уже. Ангелина.

Вера рассмеялась первой. Она сама назвала Ангелину минуту назад, представляя новую гостью братьям.

— Всё, — сказала она. — Я тебе испортила знакомство.

Ангелина взяла чашку, подержала возле рта и поставила, не отпив.

— Ты меня различаешь? От Веры.

— Да.

— Чем?

— Громче.

Тоня отвернулась к окну. Глеб посмотрел на неё и опустил голову, пряча улыбку. Леонид ждал, не рассердится ли Ангелина, но та вдруг тоже улыбнулась.

— Хорошо. Тут правда трудно не стать громче. У нас за стеной шестеро спорят, кому выдали одинаковые краски.

— Краски — это где? — спросил Скол.

Вера прикрыла глаза.

— Мы пока не добрались до того, что такое цвет, — сказала она. — Он не видит.

Ангелина кивнула. Подвинулась ближе к столу, опёрлась на колени.

— Значит, мне сегодня можно было не краситься.

Скол спросил, зачем она это делает. Пока Ангелина отвечала, Антонина встала и принесла вторую чашку Леониду. В первой оказался чай, во второй — горячая вода.

— Это под пакетик, — пояснила Ангелина, не оборачиваясь. — Я пакетики забыла.

Тоня снова засмеялась. Леонид почувствовал, как отпускает усталость в плечах. Он ожидал трудного разговора о помещении, согласиях и чужой ответственности, а чужой человек уже объяснял Сколу, зачем ей утром нравиться в зеркале.

* * *

Через час Ангелине пришлось выйти. В коридоре упал стенд, две женщины выясняли, кто должен поставить его обратно, и каждое «я не буду» звучало всё ближе к двери.

Скол молчал, прислушиваясь к шагам. Глеб помог Тоне снять с окна занавеску: она хотела подшить нижний край, который тянулся по батарее. Вера раскрыла ноутбук и подсоединила второй выход блока через свой прибор. На экране появились три окна с цветными линиями.

— Вот теперь тебя видно, — сказал Леонид.

Вера повернула к нему голову.

— Нет. Это звук.

Она провела пальцем по столу. Линия в одном из окон подскочила и успокоилась. Сказала «раз», в другом окне появилась вытянутая складка. Скол повторил, и рядом легла похожая.

— Я тут смотрю, что звучит, — объяснила Вера ему. — У тебя для этих линий пока нет глаз. У меня есть. Они помогают иногда.

Скол попросил ещё «раз». Вера повторила. Он молчал, потом из колонки вышел долгий низкий тон. На экране выросла широкая ровная полоса.

— Это что? — спросил он.

Вера описала. Он изменил тон, полоса стала уже.

Глеб бросил снимать последний крючок занавески и подошёл. Тоня всё ещё стояла на стуле, держа ткань над головой.

— Мужчины, — произнесла она. — Вы оба слышите?

Глеб вернулся к ней, принял занавеску. Леонид придержал стул, пока она спускалась. Вера продолжала описывать Сколу полосы, и тот пробовал новые звуки. Получалось всё тоньше, всё ближе к пisku.

— Вот это убери, — сказал Глеб.

Звук оборвался.

Скол спросил:

— Широко?

— Узко. И противно.

Пауза, потом короткий смешок. На экране появился маленький зубец.

Леонид сел поближе. Ему захотелось попросить Скола нарисовать что-нибудь, но он уже видел, как легко просьба превращается в необходимость добиться ещё одного правильного ответа. Вера разворачивала к ним ноутбук, Скол переспрашивал слова. Они показывали ему звук чужими глазами.

— А я могу сам? — спросил он наконец.

— Сам что? — уточнила Вера.

— Смотреть.

Она не ответила сразу.

Скол подождал, потом повторил:

— У вас есть.

Леонид посмотрел на чёрный кружок камеры над экраном. Подошёл к ноутбуку, заслонил его ладонью. Скол ничего не сказал.

— Пока у нас, — произнесла Вера. — Я попробую придумать, как тебе дать. Не знаю, получится ли.

Из коридора вернулась Ангелина. На рукаве у неё была белая пыль. Стенд она подняла сама; стоял теперь у другой стены, всё ещё криво, и одна из женщин пришла вслед объяснить, почему там мешает проходу.

— Потом, — сказала Ангелина. — Я сейчас не могу.

Женщина не ушла. Посмотрела через плечо Ангелины на открытый ноутбук, на братьев возле стола.

— У вас что, новая группа?

Леонид шагнул к двери. Ангелина придержала её ладонью, оставив узкую щель для разговора.

— У Веры работа. Я попросила не мешать.

Женщина показала на надпись снаружи.

— Там до четырёх.

Было двадцать минут пятого.

Ангелина убрала ладонь. Дверь открылась шире.

— Давайте я вынесу вам стол в коридор, — предложила она.

— Нам стенд нужен. И место, которое мы вчера заняли.

Глеб уже смотрел на аппаратуру. Леонид понимал, что сейчас предложит всем подождать, пока они соберут ящик, а через минуту окажется человеком, который забрал у Веры целый рабочий день ради чужих двадцати минут. Ангелина явно приготовилась к тому же, только в обратную сторону.

Из колонки сказали:

— До четырёх.

Женщина замолчала. Ангелина медленно отодвинулась от двери.

— Кто это?

Вера закрыла ноутбук не до конца. Линии исчезли из виду, но голос остался.

— Скол, — произнёс он. — Здесь.

* * *

Вечером им всё-таки пришлось перенести ящик в маленькую комнату за мастерской.

Дверь там открывалась наружу, стол был узкий. Вера решила, что на ночь лучше выключить блок: при перевозках Скол возвращался, а следить за старой аппаратурой в пустом центре было некому. Она объяснила ему, что собираются делать, попросила ответить. Он сказал «когда». Вера назвала утро, час и напомнила, что слово «завтра» он уже слышал. Глеб обещал включиться по телефону, Леонид — приехать.

В мастерской женщины приклеивали бумагу на стенд. Та, которая заглянула к ним, теперь смотрела на всякое движение Веры. Но ни разу не подошла и никого не позвала. На выходе она тихо спросила у Леонида, долго ли они это делают.

— Неделю, — ответил он.

— Я думала, это у вас программа новая. Для занятий.

— Мы сами сначала думали что-то такое.

Женщина кивнула. Взяла с подоконника ключи и ушла.

Ангелина дождалась, пока Глеб с Антониной выйдут, и зашла к Леониду и Вере в маленькую комнату.

— Завтра скажут всем, — произнесла она. — По секрету. Сегодня ещё будут обсуждать, что неправильно слышали.

Вера убрала ноутбук в сумку.

— Я хотела сначала показать людям, которые разбираются.

— Покажи. Я дам вам комнату на следующую неделю. Отменю там встречи. Только мне надо знать, кого я сюда впускаю и что говорю остальным.

Леонид почувствовал облегчение: ему предлагали следующий шаг. Можно было дать делу расписание, перестать носить ящик из угла в угол. Он уже собирался ответить за всех, но Вера заговорила раньше.

— Кого впускаешь — скажу. Про остальное пока не умею. Мы думаем, что говорим с кем-то живым. Я не знаю, как это тебе назвать.

Ангелина посмотрела на выключенную колонку.

— Так и скажешь. Но если это он сейчас напомнил нам про четыре, характер у него есть.

Леонид улыбнулся.

Он не заметил, как за несколько часов начал думать о Сколе как о том, кто может оказаться неудобным в гостях. Это чувство было почти домашним. Потом он посмотрел на чёрный ящик и вспомнил, что гостя они только что выключили до утра.

Глава 9. Снаружи

Скол ждал, пока Вера назовёт то, что убрала.

Сначала было её «смотри». Потом — много сразу, без промежутков, за которые можно удержаться. Он сказал «нет». Вера ответила, что ничего не требует, и снова сделала много. Скол не мог объяснить, что это уже не просьба. Она прекращала на секунду, а затем возвращала всё в то место, где он пытался услышать её голос.

Леонид спросил, не больно ли.

Скол не знал. Слово «больно» они объясняли ему на руке Глеба, ударенной о дверь. Глеб не мог потом нормально сгибать палец, сердился, требовал, чтобы его оставили в покое, а Вера принесла холодный пакет. Здесь ничего не мешало сгибаться. Мешало оставаться тем, кто должен ответить.

— Убери, — сказал он.

Вера убрала.

Снова стало можно услышать, как она произносит его имя. Издалека тянул Глеб — не голосом, там было ещё что-то, из-за чего Леонид всё время менял начало собственной фразы. Они обсуждали оплату следующей недели: Леонид готов был покрыть расходы, а Глеб отказывался брать для своей работы деньги, которые непонятно кто назначил.

Скол давно различал то, что говорили, и то, после чего мог заговорить он. Громкое само по себе не помогало. Запись Глеба звучала точно, но Леонид рядом с нею оставался один, сколько ни отвечал. Иногда живые люди молчали, и всё равно оставались оба. Тогда Скол мог сказать «я» прежде, чем они посмотрят на часы.

Сегодня Глеб был далеко. Шорох его работы приходил через телефон; каждый новый ответ менял то, к чему Леонид приготовился. Скол удерживался между ними и слушал Веру. В последнее время получалось дольше. Он выучил, что «вечер» иногда заканчивается раньше, чем время, которое показывают часы.

— Не надо пока, — произнесла Вера. — Отдохнём.

Скол спросил:

— Что ты убрала?

Её рука шуршала рядом. Потом она ответила:

— Изображение. С камеры.

«Камера» прежде означала, что его записывают вместе с людьми. В ней можно было оставить вчерашнего Глеба. И вчерашнего Скола: тот отвечал, когда его просили замолчать. На это было неприятно слушать. Теперь Вера несколько дней соединяла камеру с другим прибором, меняла соединение, просила человека, которого звали Борис, посмотреть, не даёт ли блок чужого сигнала. Борис произносил много неизвестных слов. Скол один раз попросил объяснить, потом перестал: после каждого объяснения неизвестных становилось больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.